

Битва Деревьев

Автор:

Илья Новак

Битва Деревьев

Илья Новак

Аквадор: Герои уничтоженных империй #3

Отгремела война с ордой хана Горака. Стаи орков отступили в продуваемую всеми ветрами Гравийскую пустошь, друиды вернулись в Кричбор, и народ детей деревьев зажил прежней жизнью... но спокойствие продлилось недолго.

Что происходит на старых лесных кладбищах посреди Свельтера и Леса-Шептуна, почему оттуда доносятся скрип камней и шелест земли, осыпающейся в разрытые могилы? Темная сила встает из пещер под Горой мира, странные тени бродят ночами по руинам Скребунов, мертвоживые чудовища пришли с Гроанского хребта, ну а корабельщики Стир-Пайка просто исчезли, будто бы их и не было...

В недобрый час появился Эльхант в срединных землях: здесь наступили тяжелые времена. Чтобы выяснить, кто же на самом деле этот Мертвец, повелевающий легионами завоевателей, молодому эльфу из племени Кедров предстоит спуститься в древние катакомбы и подняться в наднебесье, посетить иные миры, подружиться со жрецами Солнечного Камня и узнать, где похоронен древний маг...

Продолжая цикл «Герои уничтоженных империй», роман «Битва Деревьев» является в то же время произведением с самостоятельным сюжетом, которое можно читать в отрыве от предыдущих книг.

Илья Новак

Битва деревьев

Часть первая

МИР ДЕРЕВЬЕВ

Глава 1

Лицо Эльханта выражало несокрушимую уверенность в себе. Он был еще молод, и самоуверенность эта иногда выглядела забавно, а иногда раздражала. Темные глаза эльфа смотрели твердо и прямо, тонкий, с едва заметной горбинкой нос будто рассекал лицо надвое. Казалось, что гладкой светлой кожи, натянутой на крупных скулах, пока ни разу не касался бритвенный ножик. Волосы и глаза имели странно-неопределенный оттенок, более зависящий от освещения, чем от их собственного цвета: в лесном сумраке они становились почти черными, на ярком солнце – золотистыми.

Эльхант Гай Септанта из туата агачей быстро шел по широкой лесной дороге. Далеко впереди гудело пламя. Аргос – каменный город, но деревянных построек в нем хватало, и теперь они пылали вовсю. Некоторое время назад величественные башни задрожали, огонь поднялся над городской стеной и лизнул высокое весеннее небо. По всему лесу над кронами взвились стаи птиц, посыпались на землю мелкие сухие ветки; грохот раскатился по округе, донося до тех, кто еще не знал этого, страшную весть: Аргос пал, железнодеревщики не отстояли его.

Услыхав за деревьями лязг, Септанта приостановился.

Весна уже вступила в свои права, заморозки несколько ночей как прекратились, и по всему лесу распускались почки. Растущие вдоль дороги невысокие дубы бросали тень на облаченного в одежду неприметных цветов агача – высокая гибкая фигура сливалась с лесным сумраком. Бледно-зеленый, выцветший

оттенок свидетельствовал о дешевизне тканей, пошедших на его одеяние. Все швы были сделаны толстыми черными нитями. Кожаные штаны подпоясывал узкий ремень, простого покроя рубаха из крапивной ткани была надета поверх другой, более длинной. Короткий, едва достигающий бедер шерстяной плащ удерживала на правом плече медная застежка в форме кедрового листа. На спину, прижатый ножнами, свешивался капюшон с хвостом.

Далеко впереди, где начиналась долина, на другой стороне которой стоял Аргос, в узком просвете между кронами багровело небо. Силуэты, смутно различимые на фоне пожара, бежали навстречу Септанте. Эльф достал из ножен кэлгор – матовое, чуть изгибающееся лезвие на длинной прямой рукояти, обмотанной полосами шершавой, будто в мелких пупырышках, черной кожи. Металл клинка отливал темно-синим, а когда сквозь ветви деревьев до него добирался солнечный луч, на лезвии вспыхивали голубые крапинки.

Разглядев первых из тех, кто двигался навстречу, Эльхант заспешил дальше. Железнодорожники – сплошь латы, шлемы с забралами, щиты и копья – тяжело бежали по дороге; подбитые металлом подошвы сапог глубоко погружались в мягкую лесную землю. Это был отряд пехотинцев, встретивших врага под городскими воротами и теперь в панике отступавших. На Септанту не обратили внимания; вскоре толпа беглецов начала обтекать его, будто наполненный дребезжанием и взблеском стали клокочущий водный поток – быстро плывущий остроносый челн. Агач шел дальше, а защитники Города Зари бежали мимо. Некоторые были без копий или щитов, один хромал, другой на глазах у Эльханта упал, огласив лес лязгом, кое-как поднялся и заковылял дальше.

Дневной свет лился навстречу вместе с багровыми всполохами огня; отступающие возникали сначала в виде смутных силуэтов и лишь вблизи от Септанты становились хорошо видны. Теперь впереди он разглядел кого-то, совсем непохожего на железнодорожников.

Он ускорил шаг. Облаченная в темно-красный мужской костюм эльфийка, чьи длинные белые волосы с первого взгляда показались Эльханту седыми, стояла спиной к нему и выкрикивала приказы. До последних лесных деревьев, за которыми начиналось открытое пространство, оставалось недалеко – незнакомка обращалась к тем, кто еще не достиг леса, скорее всего, подгоняла их. За спиной у нее висел колчан со стрелами, в руке она сжимала небольшой лук.

В последний раз прокричав что-то, она развернулась и побежала как раз в тот миг, когда мимо проходил Септанта. Они столкнулись плечами, а гач не замедлил шага, а эльфийка чуть не упала. Она крутанулась, взрыв каблуками лесную землю, и выкрикнула вслед:

– Эй, ты!

Эльхант, сделав несколько шагов, остановился и глянул назад.

– Ты куда идешь?!

Он показал на долину.

Теперь они стояли лицом друг к другу. Незнакомка оказалась молодой, и волосы ее не были седые – просто очень белые. Решительное, как и у Эльханта, скуластое лицо можно было бы назвать красивым, если бы не напряженно сведенные брови, поджатые губы и прищуренные глаза.

Железнодорожники все еще пробегали мимо, но их становилось все меньше.

– Кто ты такой? – спросила девушка.

– Дозорный с южной башни.

Она окинула взглядом его одежду, посмотрела на кэлгор в руке.

– Ты не знаешь, что происходит? Мертвоживые взяли город. Беги!

– Нет.

– Эй, ты не понимаешь, что ли? Оборона сломана, враг уже в Аргосе...

– Смерть – счастье, а не горе, – возразил Эльхант, повторяя старинную присказку друидов.

– Но не сейчас. Они пришли с севера, поэтому ты, сидя в своей башне, ничего не знал.

Со стороны города донесся грохот. Дрогнула земля.

– Склады масла взорвались! – воскликнула девушка. – Ты, как тебя... дозорный! Иди за мной!

Глаза Септанты блеснули, и упрямство проступило на лице, резче обозначив изгиб тонких бровей, скулы и глубоко посаженные глаза.

– Нет, – отрезал он и, повернувшись к ней спиной, заспешил дальше.

Еще мгновение амазонка глядела вслед, затем, тряхнув волосами, продолжила путь.

Со стороны Водного Предела – с севера – кромка леса тянулась по вершинам и склонам гряды холмов. Долина, где высился Аргос, широкой полосой шла вдоль их подножий. Сбегая по склону, Эльхант Гай Септанта смог окинуть взглядом все пространство вплоть до Изумрудного леса. Через долину вилась узкая речушка – чтобы добраться до города, необходимо было пересечь ее по старому мосту. На ближнем берегу стояла дозорная башня; за рекой, перед городскими стенами, виднелись темные пятна огородов, крыши крестьянских домов и частоколы. Между ними двигались фигурки пеших и всадников.

На агача упала тень, он вскинул голову. Несколько крылатых силуэтов несло в том же направлении, куда бежали защитники. Те, что покрупнее, несли на себе трех седоков, на меньших летело по одному. У железнодеревщиков не было грифонов, значит, оборонять Аргос им помогали разведчики Предела Тверди...

Эльхант еще не знал, что собирается делать дальше, но понимал, что ему нужно находиться в долине. Для чего ему необходимо там быть – выяснится уже на месте.

Агач шел все быстрее и в конце концов побежал.

Одна из возвышавшихся над городской стеной башен медленно накренилась. Над Аргосом воздух дрожал от жара, а теперь там поднялся столб дыма: поначалу узкий, густой и темный, выше он расширялся, теряя плотность, из коричневого становился бледно-серым, потом сизым и, наконец, исчезал, растворяясь в океане прохладного воздуха.

Эльхант бежал, делая широкие шаги длинными ногами, обутыми в сапоги из бархатистой бледно-зеленой кожи на мягких подошвах.

Он увидел влекомую старой клячей повозку. Двое крестьян, молодой и старик, тащили хилую кобылу под уздцы, на телеге среди тюков и горшков сидело четверо детей. Впереди лежала эльфийка, ее грудь и левое плечо перематывала пропитавшаяся кровью повязка. От города, между огородами к мосту и дальше, тянулась неширокая дорога. Перед Эльхантом она сворачивала вправо, и повозка как раз преодолевала поворот.

Когда агач выскочил на дорогу, один из крестьян отпрыгнул, схватил вилы и выставил перед собой. Дети испуганно загалдели. Раненая не пошевелилась. Старик что-то сказал, молодой выпрямился, не опуская вил, подозрительно пялясь на Эльханта.

– Свой, – сказал тот, замедлив шаг, но не останавливаясь. – Я свой. За вами много едет?

– Много, – откликнулся старик. – Мы первые. Они не успевают...

Эльфийка на телеге что-то простонала. Молодой положил вилы, старик потянул лошадь дальше.

Эльхант вновь побежал, но теперь медленнее, сжимая кэлгор обеими руками. Дорога была хороша утоптана многочисленными копытами и подошвами: по ней часто ездили повозки с урожаем и товарами или военные патрули железнодеревщиков.

Дюжина пехотинцев в более легком облачении, чем у тех, кого агач повстречал в лесу, пересекала мост.

– Подождите! – Эльхант остановился, заступив им путь.

Передние солдаты замахнулись мечами. Септанта отскочил.

– Это дозорный... – пропыхтел кто-то, разглядев зеленую одежду.

Солдаты побежали дальше. Другой голос выкрикнул:

– Уходи, дикарь!

Проводив их взглядом, Септанта продолжил путь. Железнодорожники, единственные среди детей деревьев, кто предпочел оседлую городскую жизнь и каменные дома вольным лесным просторам, деревянным постройкам и шалашам, свысока относились к другим туатам, составляющим народ Атланса. Собственно, они теперь потеряли право именоваться туатом – племенем. Но они обещали защиту и покровительство тем, кто поселится в их городе или станет обрабатывать окрестные поля. Земли вокруг Аргоса были плодородны, и многие, испытывающие склонность к оседлой жизни, давно обосновались в долине. Их не останавливала даже величина податей, которые они обязаны были платить, как и то, что с началом любых военных действий всех юношей призывали под городские знамена. И вот теперь железнодорожники бегут, Аргос, их гордость, великий Город Зари, объят пламенем...

Мост подрагивал: сразу три телеги одна за другой пересекали его. Септанта остановился возле приземистой каменной башенки. Безымянная речушка была быстрой и мутной. Вода закручивалась водоворотами, клопоча вдоль невысоких отвесных берегов.

Первая телега проехала мимо; крестьяне не обратили на Эльханта внимания. Он окинул взглядом башню: добротная постройка, узкие двери из мореного дуба, зубцы над круглой крышей и ни одного окна. Дозорных нет, наверное, сбежали... Эльхант прищурился, увидев, что из кустов, растущих в узком пространстве между башней и берегом, торчат ноги. Подошел ближе, раздвинул ветви: лицом вниз там лежал мертвый железнодорожник. Септанта поглядел на башню, на мертвеца и вернулся к мосту.

На другом берегу с разных сторон сюда бежали солдаты, в основном пешие, хотя попадались и конники, ехали телеги – их было совсем немного, – шли крестьяне,

бросившие свой скарб. Часть домов горела; столбы дыма, будто медленно извивающиеся поганки на тонких ножках, выросли в разных местах долины – они казались крошечными в сравнении с тем ленивым черным смерчем, который покачивался над городом.

Опустив меч, Эльхант вытянулся на цыпочках, пытаясь разглядеть, что происходит дальше. От городской стены надвигалось что-то непонятное...

Он налег на тяжелую дверь и вбежал в башню. Здесь было лишь одно полутемное помещение со стеллажами, где стояли копья, луки и колчаны. Вверх вела лестница, Эльхант помчался по ней. С трудом откинув тяжелый люк, сначала осторожно выглянул, повел глазами, осматривая крышу, и лишь затем выбрался на круглую площадку.

Второй дозорный сидел, привалившись спиной к невысокому брустверу. Из головы его торчала пробившая решетчатое забрало короткая стрела. А еще на крыше была одна из тех штук, которые строили железнодеревщики и с которыми Эльхант, дитя диких южных земель, никогда раньше дел не имел: массивный самострел на подставке с колесами. Тетива натягивалась с помощью длинного изогнутого рычага; болт, которым было заряжено оружие, напоминал копье. Самострел стоял вполоборота к брустверу, рядом с дозорным. Судя по всему, тот как раз зарядил его и разворачивал в сторону моста, когда солдата убили.

Эльхант склонился над мертвецом. Щелкнул ногтем по блестящей черной поверхности стрелы. Не дерево и не железо... что это, камень? Не может быть, каменная стрела слишком тяжела, да и не отличается прочностью...

Агач потянул, и тело шелохнулось, будто дозорный вдруг ожил. Эльхант Гай Септанта, обладатель не примитивного, но прямолинейно работающего разума, не боялся смерти, мертвецов... и чего бы то ни было еще. Страх подпитывается воображением, фантазией, Эльхант же был слишком практичен, чтобы страшиться ирреального, и слишком уверен в себе, чтобы бояться реального врага. Почтения к трупам он тоже не испытывал: раз уж ты мертв, так ты мертв, и тебе безразлично, что происходит с твоим телом. Сунув меч в узкие ножны, висящие на ремне за спиной, агач уперся ногой в плечо мертвеца, ухватился обеими руками и выдернул стрелу из забрала. Голова дернулась, из проломленной решетки выплеснулась кровь. Дозорный качнулся и повалился на бок, брякнув доспехом о камни.

Септанта провел длинными пальцами по гладкой холодной поверхности... нет, он не мог понять, что это за материал. Слишком легкий для камня или железа, слишком тяжелый для дерева. Наконечника не было – черный штырь на конце сужался, будто хорошо заточенный колышек, там спиралью тянулись острые зазубрины.

Сжимая стрелу, Эльхант шагнул к брустверу. Одновременно две группы солдат подбегали к мосту. Телеги, всадники и пешие стекались сюда со всех сторон. А дальше между пылающими домами шли другие фигуры, и вместе с ними на реку надвигались зеленоватые сумерки: исчезали яркие краски, пространство бледнело, будто его затягивала плесень. Аргос уже погрузился в блеклое марево, лишь всполохи огня над стеной иногда прорывались сквозь болотный полумрак. Граница мглы двигалась неравномерно, выбрасывала перед собой щупальца – и каждым таким щупальцем был отряд врагов. Ими мгла будто цеплялась за землю и подтягивала себя вперед, медленно, но неотвратимо пожирая долину.

Противники шли не сплошными рядами, а разрозненными группами, и с крыши казалось, что их не больше, чем тех, кто отступает. Железнодорожниками владела паника – иначе они бы поняли, что могут собраться вместе и принять бой на берегу безымянной реки.

Положив стрелу на бруствер, Септанта покинул крышу. Он сбежал по лестнице и выскочил к мосту в тот момент, когда первые солдаты достигли берега. Среди пеших возвышался конник: закованный в железо тяжеловес на мосластом гиганте. Встав там, где заканчивались бревна, агач высоко поднял меч, и клинок зарябил синими искрами. Набрав в грудь побольше воздуха, Эльхант проревел:

– Остановитесь!

Передние солдаты не обратили на него внимания. Конник приближался, и агач, повинувшись внезапному порыву – наитию, которого он слушался на протяжении всей своей пока еще недолгой жизни, – чуть присев, резко выставил ногу. Один из пеших споткнулся и упал, следом повалились еще несколько, бегущие за ними начали останавливаться.

Многие потеряли или бросили свои шлемы, и Эльхант видел лица. Среди солдат были не только железные, тут хватало крестьянских сыновей и тех, кто когда-то

принадлежал к туату вольных корабельщиков с островной гряды Стир-Пайк, но после разрушительных бурь и ураганов, налетевших на северо-западную часть Атланса, предпочел покинуть те места, поселиться в долине Зари и обзавестись семьей. В отличие от воинов-железнодорожников, солдаты были облачены в кожаные панцири и боевые фартуки.

– Оборона на мосту! – прокричал Септанта. – Чтобы дать крестьянам отойти...

Образовался затор: задние напирали, а передние пытались подняться. Эльхант ухватил за протянутую руку одного из солдат, помогая ему встать, и тут его с такой силой ударили в бок, что агач чуть не упал. Он успел перескочить через солдата, крутанулся, пригнувшись и выставив перед собой кэлгор.

– Прочь! – Голос глухо донесся из-под забрала.

Конник, ногой отпихнувший наглого дикаря со своего пути, вновь утвердил ступню в стремени и ткнул коня каблуками. В левой руке было короткое тяжелое копье, возле наконечника которого болтались обрывки флага.

– Ищешь смерти, кедр?

Большинство солдат остановились, переводя взгляд с одного на другого.

– Здесь надо держать оборону... – начал Септанта.

– Пошел вон! – Доносящийся из-под забрала голос наполнял презрение. – Или сталь в брюхо захотел? Эй, вы, сбросьте дикаря в реку!

Эльхант прыгнул. Всадник собрался ударить его копьем, будто дубинкой, но агач упал, прокатился по земле и встал на ноги уже под лошадиным боком. Бросив меч в ножны, он обеими руками вцепился в ступню, дернул, высвобождая ее из стремени, поставил на плечо и резко выпрямился.

Железнодорожник накренился, выпустив оружие, стараясь ухватиться за шею скакуна и, словно башенка, которую нападающие своротили мощным ударом тарана, со скрежетом рухнул вбок.

На мосту уже никто не бежал, солдаты остановились, со всех сторон множество взглядов устремилось на агача в зеленой одежде. Лязгая и ругаясь, железнодеревщик пытался встать, что довольно тяжело сделать в полном боевом доспехе. Конь заржал, переступил с ноги на ногу. Схватившись за пышную гриву, Септанта взлетел в седло, выпрямился во весь рост и, с трудом балансируя на лошадиной спине, прокричал, перекрывая звучащие вокруг голоса:

– Вы убегаете, забыв про своих?

Его почти не слушали – солдаты начали двигаться прочь от моста. Эльхант выкрикнул:

– Кровь ваших детей останется на ваших руках!

Голоса начали стихать. Кто-то хрипло произнес:

– Приказали отступить.

– Кто приказал? – Взмахнув руками, чтобы не упасть, Эльхант ткнул мечом в сторону успевшего подняться на колени железнодеревщика. – Они? Это же воины железа! У них нет семей, им ничего терять, кроме своих казарм!

– Но город пал! – выкрикнул другой голос.

– Я не гоню вас в город. – Септанта повернулся и присел, ухватившись за луку седла. – Надо встать здесь и держать оборону, пока крестьяне не смогут...

Он замолчал, когда с дальнего конца моста донеслось ржание. Головы повернулись туда. К берегу подъезжали две телеги, вокруг шло множество крестьян, женщины и дети. Некоторые несли младенцев.

– Вот о ком я говорю! – прокричал Эльхант.

Он спрыгнул на землю, увидел, что железнодеревщик уже выпрямился, и сильно хлопнул коня по задку. Заржав, скакун пошел вперед между расступившимися солдатами.

Из прорезей в забрале на агача глянули злые глаза.

– Иди за ним, – приказал Эльхант, показывая в сторону, куда пошел конь, и отвернулся, тут же позабыв про железнодеревщика.

Солдаты расходились в стороны, пропуская телеги.

– Ирма! – прокричал кто-то, и тут же одна из эльфиек, прижавшая к груди плачущего ребенка, бросилась к мужу.

Септанту тронули за плечо, он резко повернулся и увидел невысокого коренастого эльфа с морщинистым лицом.

– Я – дукс, – произнес тот хрипло, окидывая Эльханта взглядом. – Брогом кличут. Тут еще из моей дюжины... Что будем делать, агач?

Теперь у моста собралось около двух дюжин солдат. Брог и Эльхант сбились с ног, расставляя их: почти треть заняла позиции со стороны города, еще столько же – вдоль ограждения, и последняя группа – со стороны леса Свельтер, откуда пришел агач. Железнодеревщик давно убрался вместе со своим конем.

– Сюда! – прокричал впереди Брог, и Септанта бросился по мосту навстречу толпе крестьян.

– Гляди.

Дукс показал на долину. Под стенами Аргоса не осталось ни одного целого дома, все пылало. Последние крестьяне, бросив телеги, бежали к мосту, задние падали, когда блекло-зеленое марево добиралось до них. Фигуры тех, кто шел, продвигая это марево вперед, виднелись все еще смутно, но теперь можно было разглядеть, что они обычного роста, имеют две руки и две ноги...

– Кто это? – спросил Эльхант, и дукс удивленно глянул на него.

– Ты что, еще не видел мертвоживых?

Септанта пожал плечами:

– Я с огненного побережья.

– Ну так сейчас увидишь. Агач, как ты солдат остановил? Ведь ты не сказал им ничего...

Эльхант не слушал: последние крестьяне вбегали на мост. Он вскочил на ограждение, повернулся к воинам и прокричал:

– Продержитесь хоть немного, чтобы они смогли добраться до леса! Мы... – и тут с жужжанием, подобным звуку, который издает рассерженный шмель, почти вскользь к его плечу пролетела черная стрела. Агач покачнулся, спрыгнул на бревна, краем глаз видя, как один из стоящих возле ограждения солдат схватился за грудь и с криком полетел в реку. Эльхант выхватил кэлгор. Последняя крестьянская семья – мать, отец и несколько детей – бежали через поле, спотыкаясь о кочки, а за ними...

Септанта замер, подняв меч, глядя на тех, кто преследовал беглецов. Кости. Облезлые шкуры, гниющие лохмотья, ремни, ржавые пряжки. Глазницы и суставы. Он видел все это – но не живую плоть.

Эта семья не успела достигнуть моста: один за другим крестьяне падали и тут же исчезали в мареве, ползущем вслед за теми, кого защитники города называли мертвоживыми.

– Берегись! – прокричал Брог. В приблизившемся к мосту отряде было меньше двух дюжин существ, и теперь все они подняли луки.

Солдаты прикрылись щитами – закругленными сверху и острыми снизу, чтобы их можно было вонзить в землю. Дукс присел, большинство эльфов последовали его примеру. Воздух вокруг выпрямившегося во весь рост Эльханта наполнился жужжанием, и тут же – стуком, с которым черные стрелы ударялись о железо или обтянутое кожей дерево. Три или четыре поразили цели, остальные либо вонзились в щиты, либо отскочили и упали на бревна и землю. Но ни одна не сломалась – это Септанта успел заметить, прежде чем бросился вперед.

Нападавшие были уже рядом. Чтобы добраться до них, агачу пришлось сделать лишь несколько шагов. Позади Брог выкрикнул приказ. Эльхант закружился, наполнив пространство взблесками синих искр, вспыхивающих на клинке. Септанта ничего не знал о таком понятии, как стиль боя; обученный в Пределе Огня, он вообще не умел сражаться так, как это понимали учителя-оружейники железнодеревщиков или других более развитых туатов Центрального и Северного Атланса. Мертвоживые окружили агача, и темно-синий клинок заметался вокруг хозяина. Эльхант упал, вскочил, отпрыгнул, будто танцор, в зеленом вихре взметнувшегося плаща. Уходя от лезвия топора, рухнул на колени, снизу вверх вонзил кэлгор в костяной подбородок, прокатился под ногами нападавших, вскочил, завертелся, рассекая кости и полусгнившие сухожилия... Миг спустя солдаты с Брогом во главе налетели на врагов – и вскоре все было кончено.

Рукавом Септанта отер лицо, забросил меч в ножны и присел. Его дыхание почти не участилось, грудь под рубашками вздымалась лишь чуть сильнее обычного.

– Это скелеты, – произнес агач, тыча пальцем в лежащий на земле череп и снизу вверх глядя на Брога. – Ты видишь? Скелеты...

– Да. – Дукс и двое стоящих рядом солдат смотрели на Эльханта со странным выражением. – Их можно убить, только раздробив на куски...

– Но как кости держатся вместе? – Движущиеся, да еще и сражавшиеся скелеты не произвели на Эльханта особого впечатления, его больше интересовала практическая сторона дела. – Почему не рассыпаются?

– Может, сухожилия остались... – дукс попятился. Зрачки расширились, он пригнулся, и черная стрела с жужжанием вонзилась в лицо стоящего позади Брога солдата.

– В башню!

Перепрыгивая через мертвецов и валяющиеся кругом щиты, Эльхант рванул по мосту. Часть врагов исхитрилась перейти реку вброд и теперь выбиралась на другой стороне. Дукс мчался впереди, рядом с Эльхантом топал еще один солдат – больше ни одного защитника не осталось, погибли почти все, и лишь несколько, стоящих на берегу со стороны леса, успели сбежать.

Дукс был уже в башне, Септанта ворвался следом, развернулся, пропуская солдата – тот вдруг закричал и дернулся вперед, будто в спину его ударили тяжелой палицей. Эльхант навалился на дверь. Сдвигая ее, он отчетливо видел прямо перед собой состоящие из костей фигуры, потяжелевшее от влаги рванье, черепа, на которых блестели капли воды, ржавые клинки, а еще... Дверь закрылась, Эльхант задвинул засов – длинный железный брус в трех широких петлях. Сломать такой снаружи можно разве что тараном.

Когда агач повернулся, дукс присел над лежащим навзничь солдатом, из спины которого торчала стрела. Звук удара проник в башню, дверь дрогнула.

– Наверх! – Септанта сгреб в охапку несколько коротких копий со стеллажа и бросился по лестнице. – Возьми стрелы!

Он перегнулся через бруствер и метнул копьё в толпу под дверями. Затем второе, третье – наконечники пробивали черепа, крушили позвонки; очень быстро внизу образовалась груда костей. Вставший рядом Брог стрелял из лука, и вскоре враги были вынуждены отступить. Двигались они не как живые: менее ловко, короткими рывками, пощелкивая и похрустывая суставами. Казалось невероятным, чтобы остов из костей вообще мог ходить и тем более драться, не рассыпаясь при этом...

– Ты разглядел их вблизи? – спросил Эльхант. – Я увидел там... не знаю, что это. Вроде паутины. Белые волокна, похожие на толстые длинные волосы, только почти прозрачные. Они соединяют кости.

– Магия, – произнес дукс, опуская лук.

Они медленно пошли вдоль бруствера, провожая взглядом отступающих по мосту врагов. У Эльханта осталось лишь два копья; колчан, который Брог повесил на спину, был еще полон стрел – но они наносили куда меньше вреда, застревали между костями, а не дробили их.

– Мы спасли крестьян... – сказал дукс, разглядывая лежащего на боку мертвого дозорного и заряженный копьем громоздкий самострел на колесах.

Они остановились на той стороне крыши, что была обращена к реке.

– Великие Пределы... – пробормотал Брог.

Полупрозрачная стена блеклой зелени висела совсем близко, над другим берегом. Сквозь нее виднелась долина, горящие дома, крыши Аргоса – и все это, подернутое плесневелой дымкой, казалось теперь миражом, словно куском иного мира, очертания которого проступили в мареве. Там что-то происходило, земля шевелилась ленивыми волнами, изменяясь; очертания городской стены подрагивали.

Скелеты – их осталось едва ли дюжина – столпились на середине моста.

Эльхант прикинул расстояние, оглянулся на лесные холмы и схватил Брога за локоть.

– Давай вниз. Успеем выскочить и убежать, прежде чем они поймут...

– Нет, – перебил дукс. – Гляди.

Разлитая в воздухе плесень уже поглотила берег и ползла дальше, через реку. Она остановилась, добравшись до середины моста. Мир будто разделился напополам – по одну сторону обычная земля и трава, высокое небо, прохладный весенний воздух, а по другую – клубящаяся муть, блеклые тени и странное, чужеродное движение в глубине.

Скелеты, ставшие в два ряда вдоль ограждения, не шевелились. На другой стороне что-то приближалось к стене марева, громоздкая фигура быстро увеличивалась...

Длинная морда с узкими змеиными глазами вынырнула из грязного тумана, повернулась, глядя по сторонам. Не то лошадь, не то ящер – Эльхант не смог понять, что это за зверь. Для первой слишком приземистое, для второго – слишком высокое. Шкура отливала тусклой синевой, на кривых лапах поблескивали когти. Тот, кто находился в седле, был облачен в черный доспех, голову скрывал рогатый шлем. На правом роге нахохлился крупный взъерошенный ворон.

Существо уже полностью вышло из туманной стены, и теперь стало видно, что сзади тело его сужается, превращаясь в длинный мощный хвост, извивающийся по бревнам. Он заканчивался заостренным черным клином.

Брог, что-то испуганно пробормотав, попятился от бруствера. Эльхант стоял, разглядывая нового врага. Тот восседал неподвижно, свесив руки вдоль тела. Зверь остановился на краю моста. Скелеты замерли, все стихло.

– Нет, не надо, – произнес дукс, увидев, что делает агач. – Ты разозлишь его...

Эльхант широко расставил ноги, повернувшись влоборота к мосту, примерился и метнул копье.

С лязгом оно ударило в грудь всадника... и отлетело. Черная фигура качнулась.

– Я же говорил... – сказал Брог.

Всадник поднял руки над головой. Задрожали перила, очертания моста подернулись дымкой. Полупрозрачный вихрь поднялся над ним. Каркнув, черный ворон взлетел. Смерч вытянулся – у основания узкий, дальше он расширялся, превращаясь в стремительно кружащуюся воронку. Стоящие вдоль ограждения скелеты накренились, силуэты их начали ломаться – и распались костями, которые смерч втянул в себя. Ворон отлетел в сторону. Вихрь набух, потемнел. Теперь словно конус ночной тьмы кружился над всадником. Внутри возникла вспышка, за ней вторая, третья, донесся приглушенный грохот, похожий на далекие раскаты грома, – и вскоре над воронкой перекатывались, разгораясь и угасая, огненные сполохи; молнии, потрескивая, пробивали кружащуюся мглу, гасли и тут же возникали вновь.

– Не делай этого! – прокричал Борг, но Эльхант не слушал.

Он развернул самострел к брустверу, прицелился и дернул торчащий под ложем крюк.

Звук был такой, будто разом выстрелила дюжина арбалетов. Дукс, бросив оружие, побежал к люку. Черный всадник всем телом качнулся вперед; смерч, грохоча и потрескивая, устремился через мост к башне, а навстречу ему

понеслось короткое копье.

Мир вокруг Эльханта взорвался. Смерч пробил стену, взлетели камни. Башня накренилась, агач покатился по крыше. Вокруг мелькали хлопья мглы, потоки черного с воем кружились, молнии слились в одну слепящую вспышку... и вдруг все закончилось.

Здание, просев, накренилось над рекой. Септанта застыл в шаткой позе, упираясь ногами в остатки бруствера, прижавшись спиной к наклонной каменной поверхности. Она подрагивала, глыбы скрипели, смещаясь, угрожая осыпаться в любой миг. Самострел и тело мертвого дозорного упали в реку, а Брог исчез – то ли провалился в обширную дыру, что образовалась на месте люка, то ли смерч унес его куда-то.

Копье, наискось пробив грудь всадника и хребет животного под ним, глубоко вонзилось в бревна. Зверь подышал: он распластался на мосту, голова подрагивала, из разинутой пасти вывалился тонкий длинный язык. Всадник пытался высвободиться. Ухватив торчащее из груди древко обеими руками, он дергал, рывками подтягивая свое тело вверх, вдоль копья.

Раздался свист. Эльхант повернул голову, услышав шелест крыльев. Рука потянулась к мечу в ножнах. На агача упала тень – и тут же совсем близко он увидел большую птичью голову, хищный клюв, равнодушно-стальные глаза...

Грифон опустил на камни, с трудом удерживая равновесие.

– Садись, – приказала эльфийка с белыми волосами, протягивая руку.

Септанта поглядел на мост – черный всадник уже стоял рядом с пригвожденным к бревнам зверем – и ухватился за узкую крепкую ладонь.

Глава 2

Он крепко сжимал ногами тугие бока грифона. Под рыжеватой шкурой животного перекачивались мышцы, широкие крылья равномерно поднимались и

опускались. Птичьи перья начинались возле мощной, гордо изогнутой шеи; туловище и лапы были звериными, крылья, шея и голова – будто у огромного орла.

Они легко поместились в длинном седле. Амазонка сидела впереди, Эльхант одной рукой обхватил ее за талию, а второй, отведенной за спину, держался за луку.

– И чего ты добивался, в одиночку сражаясь с отрядом мертвоживых?! – прокричала она не оборачиваясь.

Септанта не ответил. Он глядел вниз, на кроны деревьев. Свельтер рос на холмах, и теперь внизу проносились будто застывшие океанские валы, черно-зеленые перекаты, пологие склоны и низины.

– Слышал вопрос, дикарь?

Воздух гудел в ушах. Септанта наклонился вперед и прокричал:

– Твое имя?!

Мелькнула полоса дороги, блеснули доспехи тех, кто бежал по ней. Девушка коротко свистнула – и грифон завалился на левое крыло.

– Лана, – произнесла амазонка. – Лана из туата доиров. Теперь отвечай, или я сброшу тебя вниз.

– Ты больше похожа на питшу. Я – Эльхант Септанта, сын Гая. Из туата агачей.

– Как ты попал на север?

– Я пришел, чтобы служить. Меня определили дозорным на дальнюю башню.

– Ту, что на берегу Донида?

– Да. Я сидел там три ночи, никто не появлялся. Увидел дым и пошел к городу. Куда мы летим?

Заблестели воды реки: они добрались до короткого речного притока. Эльхант успел разглядеть бредущие вброд фигуры, опрокинутую колесницу, конных – и вода осталась позади, вновь потянулся лес.

– Куда мы летим? – повторил Септанта громче.

– Заткнись, – сказала амазонка. – Ты всего лишь солдат. И ты нарушил мой приказ. Молчи и не задавай вопросов.

Холмы исчезли; между рекой и притоком, над которым пролетел грифон, тянулась лесистая равнина. Далеко впереди, посреди буро-зеленой поверхности, возникла обширная плешь. Она быстро приближалась, вскоре стал виден дым костров, – и тут же над лесом взвилась пара силуэтов. Один полетел по широкому кругу, второй – навстречу. Лана издала переливчатый свист, грифон расправил крылья и застыл, поймав восходящий поток. Они начали медленно подниматься над лесом. Смолкло гудение встречного ветра, вокруг разлилась тишина.

Эльханту еще ни разу не доводилось летать, но открывшийся простор не страшил его. Высота... Агач не видел в ней ничего пугающего. Впрочем, восторга он тоже не испытывал – лишь любопытство. Септанта приложил ладонь козырьком ко лбу, оглядываясь. Прозрачный воздух на большом расстоянии становился светло-серым. Агач будто завис в месте, где сходились три владения, три мира: Туат Тверди, Туат Вод и Туат Небес. Огромное пространство эфира распростерлось во все стороны; далеко слева, за холмами и долинами, за владениями доиров, за извилистым восточным берегом Атланса, там, где тянулся океан, мир заканчивался: водную поверхность скрывала дымка. За горизонтом не было ничего, ведь Атланс – это пуп всего, центр древа миров. Впереди, невидимое сейчас, плескалось озеро Флэй, населенное племенами гортов и саил; еще дальше, вдоль русла Кору, жили идхи, а возле Баркентинских гор обитало племя питш-амазонок. Септанта поглядел на затылок Ланы. Манерой поведения она напоминала амазонку, хотя внешностью – нет. Он вновь огляделся. Мир Деревьев раскинулся вокруг, и самой далекой его частью был сейчас Огненный Предел, Гравийская пустошь, где жили агачи.

Тот, кто сидел на подлетевшем грифоне, держал взведенный арбалет. Всадник узнал Лану, сощурился, приглядываясь к ее спутнику. Крылатые существа сблизилась, теперь Эльхант мог разглядеть юное лицо арбалетчика, куртку и штаны из плотной шерстяной ткани, лысую голову. Наездник. Они одевались теплее, чем обычные воины с Предела Тверди, ведь вверху часто дули холодные ветра, и брили волосы – чтобы не мешали в полете.

– Кто он? – спросил наездник.

– Агач, – ответила Лана. – Дозорный с башни у Донида.

Эльф еще раз глянул на Септанту, кивнул, надел четырехугольную шапочку из змеиной кожи и коротко свистнул. Его животное стало поворачивать, удаляясь от них.

– Надо помочь отступающим! – прокричала амазонка.

– Мы послали туда летучий отряд, – крикнул наездник в ответ. – Они заберут кого смогут.

– Держись, – сказала Лана и, пригнувшись к покрытой перьями шее, издала свист. Сложив крылья, грифон стал снижаться.

Плешь посреди леса разрослась, мелькнули шатры в ее центре, фигуры эльфов, костры – все это, поначалу сбившееся в кучу, быстро разошлось в стороны, разбежалось кругами, и грифон, расправив крылья, приземлился. Он повернул голову, взглянул на седоков стальным глазом и приоткрыл клюв.

Лана слезла, Эльхант последовал ее примеру. Они опустились на краю луга, неподалеку от стены деревьев. Костры горели чуть подальше, а здесь спали несколько оседланных крылатых зверей. Наездники – все в теплой шерстяной одежде, с короткими мечами, бритые наголо – сидели вокруг костра. Трое поднялись, обнажив оружие, направились к прилетевшим. Кто-то произнес: «Это Лана», – и другой голос откликнулся: «А что за чучело с ней?»

Амазонка махнула рукой.

– Приветствую! – громко сказала она. – Я привела дозорного с южной башни.

Старший среди наездников – не юнец, как остальные, но зрелый муж с морщинистым лицом – кивнул, и все они возвратились к костру. Грифон, помахивая длинным хвостом с кисточкой, потопал к сородичам.

Ни слова больше не говоря, Лана развернулась и пошла в глубь лагеря. Окинув взглядом лесную опушку, Септанта направился за ней.

Над кострами булькало варево в котелках. Пахло горячей похлебкой, жарящимся на углях мясом, а еще – разогретыми смесями трав, терпкими и сладкими, кислыми и горькими. Эльфы лежали или сидели у костров, кто-то разговаривал, кто-то спал.

Они прошли мимо полуголого раненого, корчившегося на расстеленном плаще. Над ним склонился старик в свободных одеждах. Эльхант огляделся внимательнее и увидел еще трех друидов – они ходили между кострами, от одного пострадавшего к другому. У всех были короткие седые или тронутые сединой волосы, хламиды из некрашеного полотна с длинными, расширяющимися книзу рукавами, все подпоясаны веревками, на которых висели мешочки с травами.

Лана сказала:

– Оставайся здесь. Ты не ранен, помогай другим.

Агач, рассматривающий друидов, молча перевел взгляд на нее. Амазонка резко отвернулась и зашагала туда, где высились шатры. Захлопали крылья. Эльхант поднял голову: сразу семь грифонов приближались к лагерю. Шестеро опустились у опушки, седьмой полетел по нисходящей к центру луга. Снизу было видно, что на нем только пара седоков, хотя остальные грифоны несли по три-четыре фигуры. Тот, кто находился за спиной наездника, посмотрел вниз, на агача.

Гул голосов, царящий над лагерем, стал громче. Кто-то вскрикнул, запричитала эльфийка. С опустившихся грифонов слезали раненые солдаты; один, как только его ноги коснулись земли, повалился на бок и остался лежать неподвижно. Закричал ребенок, лязгнул щит.

Эльхант подошел к упавшему солдату, присев на корточки, ухватил за плечо и осторожно перевернул на спину. Спрыгнувший с грифона наездник склонился над ними. Солдат еще не был мертв, но умирал – удивительно, что он дотянул до лагеря. Из груди торчала стрела, раненый сжимал древко обеими руками. На лице застыла гримаса боли, по грязным небритым щекам текли слезы.

Вдруг Септанта узнал его – один из тех, с моста...

– Почему стрела обычная? – спросил агач у наездника.

– Свои ненароком попали, – проворчал тот, выпрямляясь.

– Отойди, дикарь. – Голос был глубоким, словно океан. Говоривший произносил слова медленно и торжественно.

Лицо все еще сидящего на корточках Эльханта затвердело. Грифон, щелкнув клювом, покосился на остановившегося рядом друида и быстро затопал прочь, сложив крылья и прижав их к спине. Эльхант выпрямился, не обращая больше внимания на сына омелы, опустив голову, пошел прочь. Седобородый проводил его внимательным взглядом.

– Это же тот агач!

Септанта поднял глаза. Одетая в длинную, подпоясанную веревкой рубаху высокая эльфийка с младенцем на руках приблизилась к нему. Позади нее вокруг грифонов стояли другие – и совсем молодые, и старухи, – пятеро солдат, крестьяне и выводок детей.

– Эй вы, что стоите? Или это не он спас вас?

Покачивая спящего младенца, она посмотрела в глаза Эльханта и произнесла:

– Агач – на южном наречии значит «кедр»?

Он кивнул. Трое солдат в кожаных панцирях и с полдюжины крестьян приблизились к ним.

Эльфийка рассматривала дикаря-кедра – не великан, но высокий, длинные руки и ноги, кажется гибким, проворным, хотя сейчас двигается медленно. Соломенные прямые волосы до плеч, глубоко посаженные темно-зеленые глаза, лицо твердое и слегка отстраненное...

– Я, Ирма из туата саил, благодарю тебя, кедр, – произнесла она. – Без тебя мы все сейчас были бы мертвы.

Септанта, лишь раз коротко взглянув на Ирму, скользил взглядом по кострам и детям деревьев вокруг них: нионам, лурисам, витхам, куллам, гортанам. Он прикидывал, сколько здесь собралось воинов, сколько из них тяжело ранены, а сколько еще могут драться...

– Ты слышишь меня, агач? – произнесла Ирма тише. Дикарь был странен – казался разом и рассеянным и сосредоточенным. Он вроде и слышал ее слова, понимал, что она говорит, но в то же время думал о чем-то своем и смотрел по сторонам.

Наконец он, покосившись на эльфийку, кивнул.

Она пристально посмотрела на агача, отвернулась и пошла к ближайшему костру. Солдаты с крестьянами тоже стали расходиться. Один из воинов махнул рукой, затем приложил ладонь к груди и коротко поклонился. Септанта, качнув головой в ответ, побрел между кострами, но не успел сделать и нескольких шагов, как краем взгляда заметил фигуры, выпадавшие из общего фона лагеря – двигавшиеся слишком быстро и целеустремленно.

Он повернулся. Четверо воинов-куллов, обнажив клинки, шли к нему. В наречии жителей Предела Воды «кулл» означало «орех». Их туат состоял в основном из воинов и раньше обитал у подножий Сведенбора. Как бойцы они почти не знали себе равных. Если доиры – дубы – и превосходили их силой, то в ловкости и выносливости лучше куллов не было никого. Это племя стало одним из немногих, которое смогло остановить продвижение кабаньей орды, кочевников орка Горака, хотя после той войны от куллов осталась едва ли пятая часть. Теперь орехи служили охранниками у богатых эльфов, обитающих в кранноге озера Флэй, нанимались в отряды следопытов или разведчиками к железнодеревщикам.

Перед Эльхантом они плавно разошлись и встали, образовав полукруг.

– Ты пойдешь с нами, агач, – произнес один и протянул руку ладонью вверх. – Отдай меч.

Голоса вокруг стихли. Эльхант стоял неподвижно, глядя себе под ноги, словно не видя и не слыша происходящего. В его голове совершалось нечто, незаметное даже ему самому – явные мысли отсутствовали, но сознание впитывало все, что поступало через глаза и уши, отсеивая ненужное, принимая к сведению и утрясая важное, и происходило это очень быстро.

Агач поднял руку; орехи не шелохнулись, хотя восемь зрачков сдвинулись, наблюдая за ней. Перекинув ремень через голову, он снял ножны и положил на землю перед собой. Орехи молча ждали. Эльхант отстегнул от пояса еще одни ножны, короткие, из которых торчала деревянная рукоять ножа, и негромко сказал:

– Это все.

– Хорошо. Теперь отойди назад.

Он отступил на три шага.

Стоящий слева орех, не выпуская меч из правой руки, левой взял кэлгор и с легким удивлением оглядел его.

– Идем, агач. К шатрам.

Септанта пошел вперед, куллы расступились. Двое оказались по бокам от него, двое за спиной. Агач будто не замечал их – он все еще скользил по окружающему слегка рассеянным взглядом, усиленно обдумывая происходящее. Они миновали барда: закутанный в длинный темный плащ на деревянных застежках, тот сидел у костра и нараспев декламировал песню печали. Вокруг собрались солдаты и молча слушали.

Вскоре орехи подвели Эльханта к большому шатру посреди луга. Полог из шкур закрывал вход, рядом стояли двое низкорослых доиров-дубов, молодых воинов с

бычьими шеями и мощными выпуклыми лбами. Доиры считались верховным туатом Атланса. Всего племен было дюжина и четыре. Среди них высшие – доиры, витхи, саилы, лурисы и феарны. Пять «средних» и пять «младших» туатов были более слабыми или бедными, но легенды четко указывали, какие именно туаты выше, а какие ниже, и те, кто относился к высшим, естественно, полагали, что легенды не врут.

Эльхант остановился, и старший кулл сказал:

– Ждут его? Это тот дикарь...

– А, да... – пророкотал один из дубов. – Хотя не очень-то он там нужен. Ну ладно, заходите.

Второй охранник вместе с тремя орехами остался снаружи. Старший кулл, Септанта и доир вошли в шатер.

Эльхант остановился перед круглым столом с деревянным столбом в центре, поддерживавшим вершину шатра. На разбросанных по земле шкурах стояли два сундука, наспех сколоченный табурет и низкая лежанка, застланная меховым покрывалом. Септанта расправил плечи и выпрямил спину, почти на голову возвышаясь над вошедшими следом куллом и доиром, поднял подбородок, не шевелясь, – хотя взгляд его переместился дважды: с занимающей табурет Ланы на стоящего по другую сторону стола железнодеревщика в доспехе, но без шлема, а после – на эльфа, про которого агач много слышал, однако не видел пока ни разу.

Воевода объединенного войска туатов Атланса, командовавший теми эльфами, что в конце концов разбили орду Горака, легендарный Монфор Билал сидел, уперев в колени могучие кулаки. На среднем пальце правой руки поблескивало золотое кольцо, запястья были украшены рисунками-татурами.

Септанта полагал, что Билал моложе. Но сейчас он видел перед собой не просто пожилого эльфа, а почти старика, пусть еще и полного сил. Большинство детей деревьев, не считая наездников на грифонах, никогда не стриглись или, по крайней мере, носили длинные волосы – символ свободы и власти. Воевода был почти лыс. Мохнатые седые брови нависали над узкими глазами, от крыльев мясистого носа к уголкам рта двумя дугами тянулись глубокие складки, будто

трещины в коре.

– Не нужен он мне здесь, Лана, – хриплым низким голосом произнес Билал, уперся широкими босыми ступнями в шкуры и тяжело поднялся с лежанки. На воеводе были мешковатые штаны и незаправленная белая рубаха.

Старший в отряде куллов, все еще сжимающий в руках оружие Эльханта, стоял слева от него, а доир, у которого была короткая палица, – справа.

– Это он? – спросил Монфор у железнодеревщика.

Только сейчас Септанта смог разглядеть лицо того, кого сбросил с коня – узкое и лишенное всякого выражения. Светлые волосы были зачесаны ото лба к затылку и скорее всего смочены известковой водой, отчего, став жестче, они поднимались волнистой лошадиной гривой.

– Бунтарь, – процедил железнодеревщик, кладя руку на свой шлем, стоящий у края стола. – Конечно, он! Предатель.

– Не предатель, – сказал агач.

Лана презрительно хмурилась. Билал, сцепив пальцы на выпирающем под рубахой животе, неприязненно взглянул на железнодеревщика.

– Лжешь! – рявкнул тот. – Ты...

– Нет, никогда не лгу, – возразил Септанта.

– Риг, он напал на меня, – обратился железнодеревщик к Билалу. – Он помешал отступлению, сбросил меня с коня, из-за него погибли солдаты!

Воевода перевел взгляд с него на агача и спросил:

– А это – правда?

– Да, – произнес Эльхант.

– Значит, бунтарь. Лана, сейчас нет времени звать брегона и устраивать суд над каждым, кто не выполняет приказы и мешает нам. Проследи, чтобы его казнили немедленно.

Доир шагнул к Септанте и получил каблуком зеленого сапога в колено. Удар казался несильным, но охранник с глухим мычанием повалился на шкуры. Эльхант, выдернув ножны с кэлгором из рук кулла и схватившись за столб, прыгнул, поджав ноги. Он пролетел по короткой дуге на столон, отпустив столб, сделал три шага и очутился позади железнодеревщика.

Никто не успел пошевелиться. Септанта уже стоял на одной ноге за спиной эльфа, схватив его за пышные волосы над лбом и отогнув голову назад, сжимая рукоять кэлгора, лезвие которого касалось выпятившегося кадыка. Правое колено упиралось в поясицу. Ножны, в которые раньше был вложен темно-синий меч, еще падали на шкуры...

Железнодеревщик вскрикнул. Ножны упали. Кулл вытащил меч. Выпустив палицу, доир ухватился за край стола, покряхтывая от боли в колене, попытался выпрямиться. Монфор Билал стоял неподвижно. Лана достала свое оружие – тонкое и прямое, шириной с кинжал, но слишком длинное для него.

Некоторое время в шатре было тихо, лишь постанывал доир да железнодеревщик громко сопел.

Снаружи раздались голоса.

– Дикарь! – выкрикнула амазонка с возмущением. – Как ты смеешь?!

Ноздри Ланы раздувались, кончик узкого меча подрагивал. Эльхант стоял неподвижно – он успел развернуть железнодеревщика и сам развернулся так, чтобы видеть всех, кто находился сейчас в шатре.

– Отец, где Кучек? – краем рта тихо спросила Лана.

– В лесу, – ответил Монфор. – Его послали за хворостом.

Снаружи что-то пророкотал голос оставшегося перед входом доира, и вдруг заплакал ребенок. По шее железнодеревщика потекла капля крови. Прикрывающие вход шкуры заволновались, затем чья-то рука резко отвела их в сторону. Все, кроме Эльханта и того, кого он пленил, повернули головы.

Внутри ворвалась высокая эльфийка в длинной подпоясанной рубахе, с плачущим младенцем на руках, следом сунулся доир-охранник, тут же мимо него протиснулись юница, древняя старуха, за ними – трое солдат.

– Вы кто такие... – начала Лана, но Ирма, чье лицо пылало от гнева, перебила ее:

– Этот агач спас всех нас! Что вы делаете? Вы все! Нас бы захватили мертвоживые, но он...

В шатре стало темнее. С того самого мига, как темно-синий меч оказался у шеи железнодеревщика, зрачки Эльханта ни разу не шевельнулись – он не смотрел ни на кого в частности, взгляд был направлен между фигурами, так, чтобы в поле зрения оставались все присутствующие. Но теперь Септанта моргнул и посмотрел на вход.

Вошедшие последними солдаты пятились. Эльфийки испуганно загомонили, отступая в стороны: раздвигая шкуры, в шатер протискивался кто-то огромный, темно-серого цвета, покрытый сеткой тончайших извивающихся трещин, обладатель головы, напоминающей жбан неправильной формы, и плеч, будто сложенных из гладких булыг.

Чудище целиком вошло в шатер, шкуры позади него качнулись и упали на свое место. Ноги-столбы заканчивались массивными глиняными ступнями. Глиняные руки висели по бокам бочкообразного тела. Эльхант моргнул еще раз и, приняв к сведению, что в шатре объявилось новое существо, вновь устремил взгляд между фигурами тех, кто стоял перед ним. От отца агач слышал про таких созданий, хотя и отец его никогда не видел големов.

– Кучек, убей его! – выкрикнула Лана.

Глаза голема напоминали черные дырки в глиняной поверхности, рот – короткую горизонтальную трещину, ушей не было вовсе. Тем не менее он видел, что происходит, слышал все, что звучит вокруг, и мог говорить. Трещина

расширилась, глина вокруг нее сморщилась, и скрипучий голос, напоминающий звук, какой издает кремень, если им сильно потереть о каменную глыбу, молвил:

– Хозяин?

Лана уже собралась повторить приказ, но Монфор Билал властно поднял руку, и амазонка не сказала ни слова.

– Вы можете подтвердить слова этой саилы? – обратился воевода к солдатам.

Они переминались с ноги на ногу, чесали затылки и растерянно хмурились.

– Ага, – сказал наконец один, низкорослый, широкоплечий и кривоногий. – Так и есть. Мы убегали, а этот... остановил нас. И потом ешо старшой наш, Брог, – тож приказал. На мосту это. За нами ж бабы шли с детьми, старики, селяне... Если бы мы там на мосту не стали, их бы всех укокошили, а так выходит... Ну, много наших полегло, токмо я вот убежал, ужо когда шкелеты поперли, да еще некоторые сбегли, остальных поубивали. Но крестьяне... они да, они спаслися.

Из-под кустистых бровей Билал поглядел на Лану, на застывшего Эльханта и его пленника.

– А он... – воевода ткнул толстым пальцем в железнодеревщика. – Как с ним дело было?

Солдат развел руками:

– Так што же... Сид хотел дальше ехать. И када кедр, дикарь этот, нас стал останавливать, сид его прям с коняки ногой в плечо пиханул. Тогда уж кедр его наземь грохнул, сам на коняку влез, прям стал у ей на спине и давай нас того... стыдить. После и Брог тож... ну, мы и остались там.

Несколько мгновений в шатре стояла тишина, даже ребенок, хнычущий на руках Ирмы, затих, лишь тяжело дышала переполненная яростью Лана. Эльхант убрал меч с шеи пленника, шагнул назад, пригнувшись и подхватив ножны, перекинул ремень через плечо и выпрямился, почти прижавшись спиной к шкурам шатра – все это одним плавным, длинным движением.

Железнодорожник пошатнулся, положив ладонь на шею, громко сглотнул.

– Риг... – начал он севшим голосом, поворачиваясь к Монфору Билалу.

– Умолкни, Амарген. Я не риг, ты знаешь, не величай меня так. Ты, твои соплеменники, купили цену чести тех, кто поселился у стен Аргоса. Значит, они были под вашей защитой. Этот агач лишь помог вам выполнить ваш долг, не так ли? Выйти всем из шатра. – Билал кивнул куллу с доиром, затем обратился к Ирме: – И ты иди, саила. Больше никто не тронет кедра.

Железнодорожник еле слышно выругался, схватив со стола шлем, зашагал к выходу. Доир-охранник – штаны его на правом колене потемнели от крови – и кулл шагнули в разные стороны. Взметнулись шкуры, силуэт мелькнул на фоне дневного света и исчез. Остальные потянулись следом, и вскоре в шатре не осталось никого, кроме Монфора Билала, его дочери, Эльханта и неподвижного голема.

И как только шкуры упали, амазонка, рыча, сорвалась с места.

– Лана, нет... – начал воевода.

Эльхант, успевший спрятать кэлгор в ножны, отпрянул, вжавшись спиной в шкуры и разведя руки в стороны. Кончик меча пронесся перед его лицом. Он быстро шагнул в сторону, повернулся – оружие чуть не зацепило плечо, но Лана вновь промахнулась. Септанта отскочил, семеня, уходя от ударов, пригнулся, отскочил за столб – амазонка устремилась вокруг стола, и тогда агач перекатился через него, встав на том месте, где она была только что. Не обнажая кэлгора, Эльхант стоял вполоборота к Лане, искоса наблюдая за ней, готовый либо вновь перескочить через стол, либо побежать в обход, если она попытается повторить его маневр.

– Лана, это смешно! – рявкнул Билал. – Прекрати.

Она остановилась, сверкающими глазами глядя на Эльханта.

– Как ты посмел? – прошипела амазонка. – Как посмел обнажать клинок при воеводе?!

– Лана, меч в ножны! – велел старик. – Я сказал – в ножны!

Еще несколько мгновений она боролась с собой, но наконец воинская дисциплина взяла верх над возмущением, и Лана спрятала оружие.

– Кучек, выйди, – велел Билал. – Подожди под входом.

Трещина на глиняном лице стала шире, и голем проскрипел:

– Кучек ступает прочь.

Он тяжело развернулся и покинул шатер. Билал сел на лежанку.

– Лана, дай мне выпить.

Амазонка, не глядя на Эльханта, обошла стол, достала из-под него округлую деревянную флягу, огляделась и, не найдя чашки, подошла к отцу. Тот выдернул пробку и стал пить прямо из широкого горлышка. Лана исподлобья оглядела Септанту. Все это время тот не шевелился. Он стоял спиной ко входу, поза казалась расслабленной, но почему-то возникало ощущение, что агач способен в любой миг сорваться с места, – он вдруг напомнил Лане акробата, одного из тех, что выступали на некоторых праздниках друидов. Агач вовсе не был обладателем крупных мышц, его не переполняла громоздкая сила, как большинство воинов из туата доиров, но вся его фигура, манера двигаться вызвали ощущение подвижности, быстрой ловкости.

– Выпьешь, агач? – спросил Билал, качнув флягой.

Отведать что-либо в шатре или доме означало перейти под защиту его хозяина, и Эльхант отрицательно качнул головой.

Воевода закупорил флягу, бросил ее на лежанку и произнес:

– Амарген Марх. Ты нажил себе непримиримого врага.

Септанта вопросительно глянул на него, и старик пояснил:

– Сид, которого ты сбросил с коня, а сейчас чуть не перерезал горло. Он командир тех, кто встретил мертвоживых под стенами Аргоса. Негодяй и хороший воин. Сид не забудет того, что ты сделал. Теперь рассказывай: кто ты, откуда, как попал сюда.

– Из Огненного Предела, – сказал агач. – Эльхант Гай Септанта. Я пришел к Аргосу, чтобы служить. Меня поставили дозорным в башне возле Донида. Три дня я был там, никто не появлялся – вообще никто живой, кроме косуль и зайцев. Тогда я пошел к Аргосу. Там...

– Ты покинул пост, – перебила Лана, по лицу которой было видно, что она вновь преисполняется гневом. – Говоришь – пришел служить? Служба зиждется на дисциплине! А ты...

– Что значит «зиждется»? – спросил Эльхант. – Я не знаю такого слова.

Монфор пояснил:

– Основывается. Солдаты должны слушать своего дукса, а дуксы – своего сида. Возможно, у вас на юге дела обстоят иначе, но здесь...

– Если бы я выполнял приказ дальше и остался в башне, мертвоживые перебили бы тех крестьян. Но я пришел к Аргосу – и крестьяне спасены. Что толку от такой дисциплины?

– Не перечь воеводе! – прошипела Лана, хватаясь за меч.

Септанта пожал плечами:

– Я говорю правду.

– Ты обнажил клинок в присутствии воеводы! Ты потерял честь, агач.

– Честь – это справедливость поступков. Так меня учили. Моя казнь, как вы поняли теперь, была бы несправедливостью. Решив казнить меня без суда, без приговора брегона... как насчет вашей чести, амазонка?

Лана ахнула, услышав обвинение, и лишь тяжелая рука воеводы, взявшая девушку за локоть, помешала ей вновь выхватить меч. Билал заставил ее опуститься на лежанку рядом с собой и сказал:

– Правда бывает разная. Сейчас правда в том, что воины, которые погибли на мосту, нужны нам больше, чем крестьяне, которых ты спас. – Он поднял руку, когда амазонка резко повернулась к нему: – Я знаю, это звучит жестоко! Но это так. Хорошо, агач. Ты видел мертвоживых совсем близко и остался жив. Подобных тебе – единицы. Что можешь сказать про наших врагов?

Эльхант опустил взгляд, мгновение смотрел себе под ноги, потом заговорил:

– Там были простые скелеты. Обычные. Я видел таких раньше. Конечно, те не двигались. В Гравийской пустоши орки оставляют мертвых следопытов лежать на земле, иногда, через много лет, мы находим их кости... да, обычные скелеты. Но были и другие. Они вроде составлены из разных костей.

– Из разных костей? – переспросила Лана.

– Да. Хребет, ключица, руки – будто у детей деревьев. Низ – кости какого-то зверя. Может, из ног быка... не знаю.

– Но как эти кости держатся вместе? Почему не рассыпаются?

– Там были нити, – сказал Эльхант. – Белые... и прозрачные. Они – как толстые волосы. Нет, не шерсть или что-то еще, такие нити нельзя потрогать. Они напоминали червей. Это что-то вроде... – он замолчал, пытаясь подобрать слова. – Сила. Сила или... мой отец говорил слово – энергия.

Лана и Билал уставились друг на друга, затем амазонка перевела удивленный взгляд на агача.

– Ты видел магию. Но как...

– Гай? – произнес вдруг Монфор Билал. – Эльхант, сын Гая? Гай Альвар, друг Драэлнора Лучшей Песни. Твой отец...

– Альвар Гай, – сказал Эльхант.

Воевода встал с лежанки, прошелся по шатру, сцепив руки на животе.

– Ясно. Да, это объясняет, как ты смог увидеть магию.

Эльхант возразил:

– Я не друид. Отец пытался научить, еще в детстве, – ничего не вышло, у меня нет дара. И я плохо запоминаю песни.

– Но что-то от него передалось тебе... Он жив?

– Умер, – сказал агач ровным голосом. – Два года назад.

– Орки?

– И они тоже.

Воцарилась тишина, которую в конце концов нарушил воевода:

– Хорошо, агач. Ты можешь идти. В войске для тебя найдется место.

Эльхант обогнул стол, но перед выходом повернулся к Билалу:

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Не твое дело... – начала амазонка со вновь пробуждающимся возмущением, и вновь воевода остановил ее:

– Помолчи, Лана. А ты, кедр...

– Но отец! Этот... – она ткнула пальцем в Эльханта. – Он должен научиться повиновению и осознать, где его место! Что ты хочешь узнать, дикарь? Пока мы лишь приходим в себя. Аргос пал!

Эльхант возразил:

– Ну и что? Это всего лишь город железнодеревщиков. Пока он горит, нужно вернуться туда и напасть на этих, которых вы зовете мертвоживыми.

– Видно, что ты совсем недавно с юга, – произнес Билал. – Мертвоживые повсюду, ты не знал этого? У вас они еще не появились, но... Нас теснят со всех сторон, враги возникают то там, то здесь. Корабельщики Стир-Пайка только начали отстраивать доки после бурь – и тут на островах тоже появились мертвоживые. От Баркентин прибыл гонец питшей: с прибрежных гор спустились каменистые гнолли. Руисы и эдхи разбиты, лишь немногие унесли ноги и присоединились к нам. Ты думал, падение Аргоса – беда лишь железнодеревщиков? Мы не знаем, что делать дальше. Ждем совета от друидов, но сыны омелы пока медлят.

– Когда я шел от башни к долине, видел воинов, охраняющих лесное селение, – сказал Эльхант. – Сколько отрядов сейчас прячется, не зная, что войско сходится здесь? А разведчики, следопыты? Надо собрать всех, пока их не перебили по отдельности.

Когда он замолчал, в шатре некоторое время было тихо. Лана стояла, кусая губы и хмурясь, Билал, сложив руки на животе, прохаживался от лежанки к столу. Наконец он повернулся к Эльханту и сказал:

– Собрать, говоришь? Ну так займись этим, агач. Мы не останемся в лесу надолго, здесь могут напасть с разных сторон – надо выйти к долинам. Войско двинется в путь под утро. Вот тебе мой приказ: пройди по лесу, до кранного, затем сверни вдоль реки, и попадешь к Твердокамню. Там вместе с теми, кого соберешь, дожидайся нас.

Эльхант молча смотрел себе под ноги. Затем пробормотал: «Вначале мне надо поесть», – и вышел из шатра.

Как только полог из шкур опустился на свое место, Лана шагнула к воеводе и воскликнула:

– Зачем? Почему ты поручил ему... Все это могла бы делать я! Он необученный дикарь, который...

– Необученный? – Билал положил ладонь на плечо дочери. – Ты так и не смогла достать его мечом.

Вспыхнув, Лана отпрянула и сбросила руку отца.

– Это другое! Конечно, агачи умеют прыгать и бегать, но я не о том! Это же дикарь с Огненного Предела, отец! Кедр! Они никого не слушаются, неповиновение у них в крови. А этот еще и самолюбивый и наглый...

– Но он остановил бегущих в панике солдат. Ты забыла? Почему они послушались его? Поразмысли над этим. Собрать жалкие остатки по лесу... это не такое уж важное задание. Проверим агача. А сейчас скажи Кучеку, чтобы зашел.

Глава 3

– Што за клинок у тебя? Почему он гнутый? Хех! От дивно! – воскликнул невысокий кривоногий солдат, который в шатре заступился за Септанту. Его звали Орхар, он оказался любопытным и говорливым – единственный из отряда, с кем агач обменялся несколькими фразами после того, как воины покинули лагерь. Остальные поглядывали на дикаря с юга без неприязни, но настороженно. Почти все были вооружены мечами и топорами, но у Орхара сзади из-за ремня торчал цеп. Кожаное кольцо прижимало покрытую шипами железную грушу к древку, чтобы не болталась и не мешала.

Отряд, состоящий из Ланы, Эльханта и дюжины рядовых – в основном тех, кто спасся под Аргосом, – ехал по широкой лесной дороге на юго-запад, в сторону Адоная и озера Флэй.

Эльхант оглянулся. Скрипя, позади них двигалась повозка: небольшая, приземистая, на четырех очень широких колесах. Занимая ее целиком, так что вокруг бочкообразного тулова почти не оставалось места, на телеге восседал голем Кучек. Толстые короткие пальцы, напоминающие обрубки сучьев, сжимали поводья. Повозку тянул низкорослый мосластый коняга с лохматой черной гривой.

Чуть поморщившись, Эльхант вновь посмотрел вперед. Именно голем был причиной того, что отряд двигался недостаточно быстро. Но на его присутствии в отряде настоял Монфор Билал.

Дорога повернула. Солдаты то и дело глядели по сторонам, опасаясь нападения. После встречи в шатре, за едой и во время сборов, Септанта слышал множество разговоров и теперь понимал причину беспокойства. За те несколько дней, что он провел в башне, все изменилось. Враги появились внезапно – и повсюду. Падение Аргоса было не случайной победой мертвоживых, но символом теперешнего положения дел. «Тьма сгустилась!» – так провозгласил один из друидов в лагере. И новый враг оказался куда более опасным, чем орда хана Горака. Орков можно было выследить, они передвигались, как все обычные армии, пусть даже и быстро – их кабаны в беге не уступали лошадям. Но мертвоживые возникали в разных местах, неожиданно. К примеру – лесное поселение. Разведчики, стерегущие лес, сообщают, что все спокойно и ни единого врага в округе не видно.... Как вдруг откуда ни возьмись появляется крупный отряд, и пока дети деревьев, едва успев опомниться, посылают за подмогой, мертвоживые сжигают дома, убивают всех, кого могут убить, и пропадают в лесном полумраке, утащив с собой трупы поселян. Подобное теперь происходило повсеместно, все чаще и чаще. Неудивительно, что воевода так суров и насторожен...

Лана, тоже недовольная скоростью их передвижения, обернулась и прокричала:

– Кучек, ты можешь быстрее?

После паузы голем проскрипел:

– Не способен. Конек завалится...

Амазонка хмуро покосилась на Эльханта, невозмутимо восседавшего в седле, и ударила коня пятками. Септанта поглядел ей вслед, скосил глаза и провел пальцами по блестящей застёжке, удерживающей плащ на правом плече. Застёжка была новая, он получил ее в лагере. Дубовый лист... Нет, эльф не отдал цену своей чести туалу доиров и лично Монфору Билалу, не перешел под его покровительство – так и остался агачем. Но, взявшись выполнять поручение, Эльхант добровольно согласился подчиняться и приказам Монфора. По какой причине великий воевода решил доверить дикарю с Огненного Предела

руководить походом – это Септанту не волновало. Но вот необходимость выполнять приказы, невзирая на то, согласен он с ними или нет... Впрочем, в отряде агач был главным. Как и Лана. Амазонка, кажется, обиделась на отца, когда услышала, что они будут на равных. А еще Кучек... зачем Билал приказал своему охраннику сопровождать Эльханта?

– Я слышал, мертвоживые забирают с собой все трупы, какие могут унести, – обратился он к Орхару. – Для чего?

Солдат покачал головой:

– Кто ж ведает? Говорят, едят они их...

– Едят? – Агач ненадолго задумался. – Нет, не верю. Зачем мертвым поедать живых?

– Так ведь не живых, а трупы...

– Все равно.

Дорога достигла вершины пологого холма, и далеко впереди сквозь ветви блеснула река. Там Адонай изгибался и нырял под землю, неся свои воды к большому озеру, где обитали горты и саилы. Ива и плющ...

– Где-то здесь должна быть деревня, – произнес Орхар. – Слышь, агач... то есть, дукс, я ж в этих местах бывал. Большая деревня, и отряд к ней приставлен был. Я так полагаю, што...

– Помолчи, – бросила Лана, и Орхар, смолкнув, отвернулся.

Септанта посмотрел на амазонку, перевел взгляд на рядового и негромко позвал:

– Эй, Орхар, подъедь ближе.

Когда солдат приблизился, Эльхант стал расспрашивать:

– Так что ты говорил про деревню? Сколько домов?

Орхар, глянув на Лану, смущенно ответил:

– Пару дюжин тамось. Охотой живут да рыбку ловят...

Лана вновь поехала быстрее, удаляясь от них, и солдат сразу стал говорливей:

– Шкуры и ягоды они в кранног торгуют, меняют на посуду или еще што... У меня, понимаешь, дукс, вроде как подруга... невеста не невеста, но, в общем, любка моя в этом селении жила. – Он ненадолго замолк, доверительно склонился к Эльханту и, покосившись вслед удалившейся уже на значительное расстояние Лане, тихо произнес: – Эта баба, дукс... Пошто она такая злая? Молчи, говорит... А чего – молчи? Я ж дело гутарю, а она...

Ноздри Септанты раздулись, когда он уловил запах гари. И тут же Лана вскинула руку, показывая вверх: над кронами плыл сероватый дымок.

Эльхант ударил коня и рванулся по дороге, которая дальше круто поворачивала в сторону едва видимой за деревьями реки.

Он сразу опередил остальных. Копыта скакуна взрыли мягкую землю, подняв фонтан комьев, и в следующее мгновение агач увидел пылающие домишки.

– Это не мертвоживые! – прокричала Лана, скачущая за ним. – Орки!

Небольшие стаи зеленокожих все еще иногда проникали, не замеченные пограничными следопытами, в Центральный Атланс. Эльхант увидел высокое мускулистое существо, которое преследовало визжащую крестьянку, тела в траве, объятые пламенем эльфа – воя от боли, тот метался между домами...

Ближе всего оказалась небольшая толпа, окружившая четырех крестьян, защищавшихся при помощи вил и топоров. Между крестьянами стоял филид. Конь заржал, когда Септанта вонзил каблуки в его бока, и рванулся вперед. Агач выхватил кэлгор.

Он плохо умел драться в седле: слишком мало опыта. В Южном Пределе у него даже не было своего коня... В последний миг орки услышали, что кто-то приближается, и начали оборачиваться. Двое крестьян уже лежали на земле. Филид торопливо декламировал песнь боли. С криком упал третий крестьянин, остался самый здоровый, отмахивающийся большим топором. Эльхант, высвободив ступни из стремян, встал ногами на седло, дернул поводья, поворачивая коня, и оттолкнулся. Скачущая позади Лана увидела, как дикарь прыгнул со спины своего скакуна прямо в толпу орков, широко расставив руки, в одной из которых был кривой меч, а в другой нож. На подошвах агача что-то блеснуло. Он исчез среди зеленых тел, толпа сомкнулась над ним, конь поскакал дальше вдоль лесной опушки. Лана ощутила мимолетное чувство, которого тут же устыдилась, – радость. Дикарь погиб, и это хорошо... Нет, это плохо! Он глуп и самовлюблен, но он на нашей стороне!

Короткий нож вонзился в загривок одного орка, кэлгор прорубил предплечье другого, и Септанта, сбив с ног третьего, рухнул в траву. Кислая вонь ударила в ноздри, хриплые вопли зазвучали над ним. Воткнув острие в зеленое брюхо, Эльхант проскользнул между толстыми ногами. Его ухватили за плащ, дернули, он покатился по земле и вскочил, орудуя клинками. Темно-коричневая, напоминающая грязную жижу кровь забрызгала его с ног до головы. От рева орков он почти оглох.

Рядом заржал конь. Орк, занесший над головой агача огромную дубинку, взревел и опрокинулся на спину, так что Септанте стала видна соскочившая с коня Лана. Она вытирала меч о голенище сапога. Это был последний орк – остальные лежали вокруг, кто-то бездыханный, кто-то – еще цепляющийся за жизнь ослабевшими, подрагивающими в судороге пальцами, которые были увенчаны грязными кривыми когтями. Мельком глянув на мертвого филида и единственного стоящего на ногах крестьянина, Эльхант побежал к домам. Но солдаты, опередив его, уже атаковали врагов. В отличие от агача, другие эльфы умели сражаться верхом, да и орков осталось немного – вскоре все было кончено.

Слышались плач и стоны раненых; гудел, пожирая бревенчатые стены, огонь. Из уцелевшего сарая жители вывели четырех лошадей и повозку. Еще одна, сломанная, стояла у оврага за домами. Старшина селения, тот самый крестьянин с топором, сказал Эльханту:

– Колесо в ей надо поставить. Это мы щас сделаем.

Эльхант только что умылся водой из колодца и теперь разглядывал тела солдат, лежащие рядом на траве. Из охраняющего селение небольшого отряда не осталось никого: орки наскочили неожиданно и первым делом взялись за воинов, а уж потом занялись остальными. Мирных поселян было от силы полторы дюжины, среди них лишь трое крестьян, остальные – эльфийки и дети. Телега Кучека, который так и не покинул ее, стояла в стороне. Лохматый черный конь щипал траву, голем сидел неподвижно, иногда поворачивая голову, следя за происходящим. Он подъехал, когда все уже было кончено, и в схватке не участвовал.

– Я отряжу с вами полдюжины, – сказал Эльхант старшине и показал направление: – Поедете туда, в лесу большой лагерь. Он неподалеку. Возьмите припасы, если что не сгорело...

Услышав последние слова, к ним подошла Лана, до того наблюдавшая, как солдаты помогают крестьянкам переносить раненых к повозке.

– Ты отрядишь солдат? – спросила она. – Или я ослышалась?

Эльхант и старшина взглянули на нее.

– Не ослышалась, – произнес агач.

– Нельзя разбивать отряд! – отрезала Лана. – Прежде чем кого-то отсылать, ты должен посоветоваться. Я не разрешаю...

Повернувшись к ней спиной, Эльхант крикнул:

– Эй, слушайте!

Множество лиц повернулось в его сторону, и Септанта продолжал:

– Я приказал, чтобы полдюжины солдат сопровождали телеги до лагеря. В лесу могут напасть орки или мертвоживые. Эти, что наскочили на вас, – их слишком мало. Обычно зеленые не ходят стаями меньше, чем в две дюжины. Значит, где-то неподалеку есть еще. Но амазонка не хочет – говорит, мы не должны разбиваться. Что скажете?

Воцарившуюся тишину нарушил Орхар.

– Так что же, дукс... – проворчал он, вытирая рукавом нос. – Надоть кому-то, канешна, с ними идти. Тут же, погляди... – он ткнул пальцем в крестьян. – Токма трое, кто биться может, осталось.

Лицо Ланы побагровело, и брови сошлись над переносицей, в точности как это было у ее отца, когда он рассердился на Септанту в шатре.

– Женщины тоже могут сражаться! – рявкнула она. – Ты, рядовой, заткнись! Если...

Септанта заговорил, но Лана молчать не собиралась, и тогда он повысил голос:

– Ты обучалась у питшей?

– Что?.. – Амазонка от неожиданности запнулась. – Да. О чем ты, дикарь?

– Дочки богатых сидов часто учатся в туате калин. Они хорошие воительницы. Но эти крестьянки умеют шить и готовить, не убивать. Если даже небольшая стая орков или отряд мертвоживых заметит обоз – их перережут. Или ты забыла, что не у всех богатые отцы? Что не все могут отправить своих детей на обучение к Баркентинским горам?

Словно устав от такой длинной речи, Эльхант кивнул, показывая крестьянам, что можно продолжать сборы, и пошел к телеге с Кучеком. У стоящей за его спиной Ланы лицо напряглось, и рука, сжимающая меч, задрожала – казалось, она готова броситься за кедром и вонзить клинок ему между лопаток. Затем амазонка ссутулилась, опустив голову, резким движением отправила меч в ножны.

– Разделитесь, – велела она. – Половина будет сопровождать телеги.

Солдаты переглянулись, а Орхар лишь покачал головой.

Эльхант остановился над трупом орка. Могучее тело, залитое темной кровью, напоминало груды покрытых мхом булыжников. Агачу пришло в голову, что с виду орк – нечто среднее между големом и эльфом. Куда здоровее последнего, но заметно проворнее первого. Приплюснутые черты лица, зрачки желтые, белки покрыты сетью красных прожилок, тупые клыки, шершавая шкура и коричневая сыпь на ней... Значит, песня филида успела подействовать. Если бы он допел заклинание до конца, орки покрылись бы волдырями и язвами. Зеленокожего опоясывало широкое железное кольцо, поддерживаемое кожаными ремешками, перехлестнутыми через плечи; другое, поменьше, было на шее, еще четыре на руках и ногах. От тела шел тяжелый кислый дух – это был их естественный запах.

Кучек сидел, поджав толстые короткие ноги, и сверху вниз смотрел на агача.

– Мы разделимся, – произнес тот, заглядывая в черные глаза-дыры. – Половина солдат поедет с этими крестьянами назад к лагерю, половина – дальше. Ты умеешь сражаться?

Рот-трещина стал чуть шире. Из глиняной головы донесся скрипучий голос:

– Порван плащик.

Эльхант отстегнул заклепку, снял ножны, затем плащ. Почти на середине тянулся вертикальный разрыв. Агач поморщился. Плащ дешевый, но и Септанта никогда не был богат...

– Ошибся эльф, – проскрипел Кучек.

Септанта кивнул:

– Да. Не надо рваться вперед, когда с тобой солдаты. – Он надел плащ, перекинул через плечо ремень ножен и пояснил: – Я привык драться один, поэтому на время забыл про остальных.

Они помолчали, разглядывая друг друга.

– Езжай с теми, кто возвращается, – произнес наконец Эльхант. – Ты только задерживаешь нас.

Кучек сел боком, свесив ноги, и телега натужно скрипнула.

– Нет.

– Нет? – повторил Септанта.

– Хозяин велел...

– Он велел тебе наблюдать за мной, да?

Голем молча глядел на него.

– Ты должен следить, и если я стану делать что-то не то или вдруг окажется, что я предатель...

– Убить, – сказал голем. – Сокрушить. Уничтожить. Раздавить. Снести. Труден язык деревьев, несть числа словам и смыслам...

Еще мгновение Эльхант смотрел в черные дыры его глаз, затем развернулся и пошел обратно.

* * *

– Это что такое? – спросила Лана.

Отряд остановился возле глубокого прямого следа, уходящего в лес.

– Змея... – предположил Орхар, слез с лошади и присел на корточки.

След, шириною почти в два локтя, состоял из поперечных впадин и узких прямых горбов между ними.

– А вона другой, – подал голос один из солдат.

Поскрипывая, к ним подъехала телега. Голем потянул вожжи, и мосластый коняга встал.

Зажав ноздрю пальцем, Орхар сморкнулся в траву, вытер нос рукавом.

– Никогда такого не видал, – признался он, выпрямляясь. – Не зверь, точно, выемок от лап нету. И два рядом, вона как ровно они идут...

– Ящер, – предположила Лана.

– Где ж ящер, госпожа... У ящера не токмо хвост, лапы тоже... и где они?

– Ну, значит, змей.

– Похоже, да тока што ж это за змей такой здоровучий? И вот это... – наклонившись, солдат провел по одной из впадин. – Это што такое? Чешуя у него такая, што ль... Не, не может быть.

Эльхант оглянулся на Кучека и сказал:

– Едем дальше.

Они успели преодолеть незначительное расстояние, когда Орхар произнес:

– Вроде штой-то там стоит. Вишь, кедр, вон тамось, на холме?

Септанта, приглядевшись, кивнул.

– Телега вроде... – продолжал солдат. – Не разберу я... А, оно самое, телега.

– Озеро рядом, за тем холмом, – подала голос амазонка. – Сейчас увидим кранног.

Обитающий на озере туат саил-ив был одним из самых богатых в Атлансе – как и гортов-плющей. Саилы жили торговлей и ремеслами, их рукоделия, посуда и украшения славились везде. Уже давно они заключили перемирие с более воинственными гортами. Риг ив и риг плющей купили цену чести друг друга – ритуал предельного доверия, после которого война между двумя туатами становится невозможной. Воины гортов охраняли ремесленников саил, а мирная часть их туата занималась рыболовством в светлых водах Флэя.

Отряд миновал последние деревья, и наконец Эльхант смог разглядеть повозку. В соломе стояло множество запечатанных крышками пузатых горшков. Запряженная в телегу лошадь была мертва, под колесами и вокруг лежали тела.

– Э, а чего они... – начал Орхар, но агач поднял руку, призывая к молчанию. Все остановились. Эльхант, приподнявшись на стремянах, огляделся. Мимо холма тянулась дорога – она выходила из леса и исчезала в лесу. Никого не видно, но тела у повозки...

– Подождите здесь, – решил Эльхант.

Он спрыгнул на землю, обнажив меч, быстро пошел вперед. Лана и остальные увидели, как Септанта обогнул телегу, встал у противоположного склона, сразу отпрянул и махнул рукой.

– К нему, – сказала амазонка.

Возле телеги все спешили. Кучек остановил коня, но вылезать, как и прежде, не стал.

Четыре мертвых крестьянина лежали в траве. Часть горшков треснула или разбилась, густой запах масла окутывал вершину. Слыша доносящийся снизу шум, Лана подошла к агачу. Этот склон был крутым, внизу она увидела гладь озера Флэй, мостки и дома на сваях, ворота, палисад... и толпу орков, атакующих его. Амазонка вслед за Эльхантом присела, чтобы не маячить на фоне голубого неба. Вскоре к ним присоединились солдаты.

Палисад в три эльфийских роста тянулся дугой, концами примыкающей к берегу озера, а дальше из воды торчали верхушки вбитых в дно мощных кольев с натянутыми между ними цепями. Мостки и дома занимали примерно треть

озера; на берегу за палисадом был обширный двор с птичьими загонами и сараями. Неширокое пространство между подножием холма и кранном наполняли орки, мертвые и живые. Зеленокожие атаковали, над оградой виднелись головы обороняющихся, оттуда летели стрелы.

– Хотели поджечь его, – сказала Лана. – Глупцы!

Уж чего-чего, а воды у защитников хватало – палисад дымил, но огня не было. Орки стреляли горящими стрелами и метали факелы, но часть эльфов была занята тем, что поливала дерево из ведер, жбанов и кувшинов.

– Их не так много, – произнес Эльхант и замолчал, когда от подножия холма вперед устремилось семеро зеленокожих здоровяков, сжимающих таран: массивное бревно, на конец которого была насажена отлитая из металла кабанья голова.

– Но ворота хлипкие у них... – добавил Орхар.

Впрочем, нападающие не донесли таран до ворот. Они успели разогнаться, когда на них упало небольшое облако стрел, и четверо из семерых повалились с ног. Оставшиеся не могли тащить бревно – бросив его, отступили под прикрытие каменных глыб, лежащих слева, ближе к холму. Здесь пряталось большинство зеленокожих, сверху виднелись их затылки и спины.

Донеслись крики: несколько орков попытались достичь кранного по мелководью, пробравшись под цепями. С вершины холма наблюдатели увидели, как с мостков в воду нырнули гибкие воины-саилы, сжимающие зубами лезвия ножей. Защитники исчезли в воде, и вскоре озеро огласил вой: орки падали, когда под водой отточенные лезвия перерезали их сухожилия и вонзались в животы.

На некоторое время внизу стало тихо. Зеленокожие прятались у камней, эльфы следили за ними с палисада. Серый дым поднимался в небо, по глади озера ползли облака.

– Теперь горты могут выйти и добить их, – произнесла Лана.

Орхар покачал головой:

– Орки ждут чего-то. Вона, огоньки там – они паклю на стрелах разжигают.

– Нечего им ждать! Когда горты наружу выйдут, мы спустимся и поможем добить...

Раздался хриплый вопль, и сбоку из-за холма одна за другой выехали четыре колесницы. Кто-то из солдат охнул:

– Журги!

Эльхант привстал, вглядываясь. Конечно, он и раньше видел боевых кабанов Горака. Были еще жорганы, гигантские кабаны-альбиносы, ужас эльфийского народа – впрочем, теперь их осталось совсем мало.

Но вот чего Септанта не видел раньше – так это чтобы орки во что-то запрягали своих зверей.

Заросшие короткой коричневой щетиной, они неспешно бежали вдоль палисада. Кривые клыки торчали из пастей, способных разинуться так, чтобы целиком заглотнуть голову эльфа. На кабанах были кольчужные попоны, защищающие спину и бока, и шлемы: кожаные колпаки, укрепленные железными бляхами, с острыми зазубренными лезвиями. Вокруг колесниц, бряцая обручами, надетыми на лапы и торсы, рысцой бежало полторы дюжины зеленокожих с пращами, а в самих колесницах...

– Желтые орки! – воскликнула Лана. – Лучшие их стрелки...

Вдоль бортов каждой колесницы тянулись два ряда овальных щитов, и желтые орки прятались за ними от летящих с палисада стрел. Нападающие то и дело приседали, выпрямлялись, поднимая над щитами длинные луки, стреляли и приседали вновь. С палисада донеслись вопли: желтые выпускали с каждым выстрелом по две-три стрелы, и многие из них поражали цель. Бегущие вокруг зеленокожие раскручивали пращи, вопя и рыча, метали в палисад крупные камни.

– А жорганов нету у них? – спросил Орхар, щурясь. – Белых не видать там? Они здоровучие...

– Нет, – прошептала Лана. – Не вижу.

Колесницы встали неподалеку от ворот. К тому времени голов над палисадом значительно поубавилось: желтые успели поразить многих защитников, да и зеленокожие швыряли булыжники непрерывно, хотя попадали куда реже. Увидев, как полдюжины орков, появившихся из-за каменных глыб, бросились к валявшемуся в траве тарану, Септанта вскочил.

– Желтые их прикрывают, – сказала амазонка. – А те сейчас снесут ворота... Все, конец кранногу!

Эльхант уже бежал к телеге.

– Орхар, огниво есть? – прокричал он.

Кучек неподвижно сидел на своей повозке. Скользя по нему взглядом, Септанта стал рукоятью кэлгора разбивать горшки. Подбежавший солдат достал кремь.

– Дай сюда. И других позови! – велел агач.

Он поджег солому, как раз когда остальные солдаты подбежали к телеге. Масло загорелось, синеватый огонь разошелся во все стороны...

– Толкай!

Наконец они поняли, что хочет сделать агач. Дюжина рук уперлась в задок телеги.

– Налегли! – рявкнул Орхар.

Искры летели в глаза. Телега пылала почти целиком, когда они подкатали ее к склону.

– Левее бери! – вопил Орхар. – Чтоб врезалась, куда надо... Бедвен, Дривас, сильнее толкайте, а вы, наоборот, отпустите!

Лицо солдата покраснело, широкая грудь тяжело вздымалась под расстегнутой рубахой. Отступившая в сторону Лана увидела, как телега накреняется и катится вниз, все быстрее, скрипя и качаясь, разбрасывая искры. От горящей соломы шел дым. Те горшки, которые Септанта не успел разбить, один за другим взрывались от жара, с треском выстреливали горячими сгустками масла. Орхар сдернул с цепы кожаное кольцо и посмотрел на Эльханта – глаза солдата странно изменились, стали почти безумными. Агач кивнул ему.

– Оружие к бою! – прорычал Орхар. – Склон крутой, пешими пойдем...

Большинство солдат носили льняные штаны и рубахи, торсы их защищали кожаные панцири. Некоторые вооружены лишь мечами или короткими секирами, у других были еще небольшие круглые щиты из древесины вяза, обтянутые толстой навощенной кожей и по краям окованные металлом. Только Лана и Эльхонт были без доспехов. Оба худые и высокие, они почти на голову возвышались над остальными эльфами в отряде.

Зеленокожие с тараном почти достигли ворот, и прячущиеся за камнями орки побежали следом. С колесниц градом летели стрелы, над палисадом почти не осталось защитников: те, кто еще был жив, спрятались. Журги рыли копытами землю, наклонив головы, готовые устремиться вперед, как только таран проломит ворота.

Разогнавшаяся телега достигла конца склона. Она уже пылала вовсю – казалось, это сноп огня и трескучих искр мчится на четырех колесах. Орки, чье внимание было приковано к палисаду, наконец заметили ее. Раздались предостерегающие крики, зеленокожие начали поворачиваться. Желтые на колесницах все так же стреляли из луков и метали короткие копья.

– Вперед! – рявкнул Орхар, срываясь с места, и солдаты побежали за ним. Открытые спереди башмаки на толстых подошвах и сандалии – деревянные подметки, привязанные к ступням узкими кожаными ремнями, – затопали по склону.

Сжимая кэлгор обеими руками, Эльхонт бросился вниз. Железная кабанья голова на конце тарана вломила в ворота – и тут же телега достигла орков.

Никто из зеленокожих не попытался остановить ее. Орки разбегались, толкая друг друга и падая. Повозка ударила в колесницу, подпрыгнув, разлетелась горящими обломками и гудящими спиралями огня. Журги рванулись в разные стороны – две колесницы столкнулись, одна накренилась, другая перевернулась. Орхар, ревущий во всю глотку, и Септанта первыми вломились в толпу. Вокруг агача замелькали зеленые и желтые рожи, клыки, палицы, мечи и горящие обломки телеги. Эльхант не ощущал прилива сил, того всепоглощающего буйства, которое испытывали многие воины во время схватки и которое превращало их в берсерков. Он видел Орхара впереди, солдат преобразился: присев на кривых ногах и ревя, он размахивал цепом, железная груша летала вокруг, круша зеленокожих, – Орхар погрузился в стихию боя, растворился в ней, он сам стал боем. Он то захлестывал шеи врагов и резко дергал, сворачивая их головы набок, то перехватывал окованное древко за концы обеими руками, подставляя его под удары дубинок, то вращал грушу или наносил резкие короткие удары будто исподтишка, по неожиданным направлениям. Орки пытались выбить оружие из его рук, некоторые старались схватить цепь, но ту покрывали режущие грани. Солдат хрипло ревел во всю глотку, заглушая звуки боя.

А Эльхант оставался все так же рассеянно-сосредоточен, сдержанно-быстр. Когда к нему метнулся потерявший кольчужную попону жург, чья залитая маслом шкура пылала, распространяя вокруг запах паленой шерсти, Септанта просто перескочил через кабана, в прыжке ткнул вниз кэлгором, всадив острие в твердую, почти как камень, спину. Он присел и наклонился, уходя от ржавого тесака, вонзил кэлгор в брюхо зеленокожего, выпрямился и быстро засеменял наискось между сражающимися, будто танцуя: полы плаща трепыхались, подошвы сапог легко касались земли, голова поворачивалась из стороны в сторону, отстраненный взгляд скользил по врагам. Поблескивающий темно-синими искрами кэлгор сновал с такой скоростью, будто металл стал гибким, и клинок извивался, гнулся, как короткая плетень. Двигаясь, словно партнеры в пляске, оставляя за собой шлейф из криков и стонов, обрубки конечностей и рассеченные тела, Эльхант и его меч протанцевали между горящими останками телеги, перевернутыми колесницами, между живыми и мертвыми – туда, где была Лана. Агач то крепко сжимал оружие, то перебрасывал его из руки в руку, и казалось, что он касается меча кончиками пальцев, едва удерживает за навершие рукояти. Похожая на жидкую грязь темная кровь орков выстреливала слякотными фонтами всякий раз, когда кэлгор рассекал зеленую кожу... а потом перед Септантой возник желтый орк. Этот был одного роста с агачем, куда более худой, чем зеленокожие, с очень длинными руками, большеглазый и лопоухий.

– Гхар жургых! – прокричал он и ударил молотом – железным брусом на тонкой рукояти. Эльхант отклонился назад. Лишь верхняя половина клинка была заточена, нижняя оставалась тупой, и на нее, повернутую наискось, агач принял удар. Рукоять топора соскользнула, скрежеща, вдоль лезвия, ткнулась в короткую гарду кэлгора. Прямо перед собой Эльхант видел рожу орка, запавшие щеки и морщинистый лоб, выпученные круглые глаза с вишневыми зрачками. Молот будто зацепился за кэлгор, упершись в то место, где гарда сходилась с клинком. Агач провернул меч и подался вперед, всаживая острие в незащищенную железным кольцом шею. Густая кровь плеснула в лицо, Септанта фыркнул, отплеываясь. Длинное тело еще валилось на землю, когда он бросился к Лане – амазонка орудовала мечом, стоя спиной к агачу, и сзади к ней подбирались сразу три орка.

– Четвероногие! – взревело несколько голосов слева. На бегу Эльхант подхватил с земли обломок копья, одного из тех, которые метали с колесниц, и широко развел руки. Лана начала оборачиваться, орки почти достигли ее. Септанта прыгнул, вонзил кэлгор в загривок одного из троицы, наконечник копья – в спину другого, и сбил с ног третьего, стоящего посередине. Перекатившись, он поднялся на колени, увидел, как Лана погружает меч в живот зеленокожего... и потом пространство между холмом и палисадом наполнилось стуком копыт. Из развороченных ворот вылетело полторы дюжины кентавров. Над палисадом вновь возникли головы детей деревьев – хотя теперь стрелять защитники не могли, слишком сложно было поразить врага в этой сумятице. На глазах агача здоровенный огненно-рыжий кентавр мускулистыми руками поднял в воздух журга, перевернул его брюхом кверху и резко опустил, сломав хребет о колено. Закричав – звук напоминал одновременно лошадиное ржание и гневный вопль, – он помчался дальше, топча орков мощными копытами. Грудь его перехлестывал ремень висящих на боку ножен. Рыжий выхватил из них меч, широкий, как лопасть большого весла.

Прямо перед агачем и Ланой, стоящей с ним плечом к плечу, оказалась перевернутая набок колесница. Из колес торчали узкие клинки – ими в бою подсекали ноги пеших врагов – на один был нанизан эльф. Сзади набегали зеленокожие, слева и справа, размахивая копьями, подступали желтые, и Эльхант с амазонкой, не сговариваясь, разом вспрыгнули на борт колесницы. Приседая и отбивая мечом копье, Эльхант увидел кентавров, скачущих узким клином и рассекающих толпу врагов, увидел своих солдат – кроме Орхара, все оставшиеся в живых сгрудились спинами друг к другу, – и силуэт Кучека на вершине холма. Кэлгор располосовал рожу орка, вонзился в плечо второго,

отбил дубинку. Лана уже исчезла – спрыгнула на другую сторону. Эльхант вдруг упал, вытянулся на боку колесницы. Жург, разогнавшийся и прыгнувший, чтоб вонзить в него клыки, пролетел над агачем, рухнул с другой стороны, взрыв копытами землю, грузно пытаясь развернуться, получил от Ланы мечом в бок...

Они побеждали, орков почти не осталось. Эльфы вытянулись шеренгой и шли на врагов с одной стороны, кентавры напирали с другой, а посередине кружился Орхар, разбрасывая во все стороны всполохи солнечного света, отражавшегося от шипастой груши. Хриплый рев солдата почти заглушал другие звуки, лишь иногда лязг груши, сминающей железные обручи зеленокожих, прорывался сквозь него. Лана, обогнув колесницу, побежала на подмогу, а Септанта остановился, заметив высыпавших из сломанных ворот эльфов – большую толпу саил и гортов. Сперва агач подумал, что обитатели кранного решили наконец прийти на помощь, но потом разглядел, как они толкают друг друга, падая, перепрыгивая через упавших, не пытаясь помочь им, и понял, что дети деревьев отступают.

Вокруг колесницы не осталось ни одного орка. Эльхант спрыгнул и быстро пошел навстречу эльфам. Озерные жители и кентавры добивали последних зеленокожих, с другой стороны их тоже теснили – орков осталось не больше полудюжины, они пытались отбиваться от врагов, которые наседали со всех сторон. Орхар опустил цеп и направился к агачу, слегка покачиваясь. Волосы солдата были всклокочены, глаза горели огнем.

Остались последние два орка. Большая часть высыпавших из кранного эльфов бежала к холму. Один из них, высокий светловолосый воин с породистым лицом, облаченный в серебристую кольчугу, с коротким мечом в правой руке и кинжалом в левой, приостановился возле Эльханта. Это был горт – голову украшал венок из плюща.

– К лесу! – выкрикнул воин и побежал дальше.

Теперь все орки были мертвы. Озерные эльфы отступали к холму. Тяжело дышащий – и все еще напоминающий безумца – Орхар остановился рядом с Ланой. Солдаты Эльханта приближались, а кентавры поскакали вслед за отступающими, кроме одного – рыжего здоровяка. Тот навис над агачем.

– Бран! Я – Бран.

Окинув взглядом кентавра, Септанта посмотрел на палисад.

– Мертвоживые?.. – полувопросительно произнес он.

– Они.

В проломе, оставшемся на месте ворот, виднелось нечто странное – дома на сваях пока оставались прежними, но синие воды Флэя, далекий противоположный берег и голубое небо над всем этим медленно блекли, зеленея.

Септанта оглянулся: покинувшие кранног эльфы столпились за каменными глыбами, где раньше прятались от стрел орки. Кентавры тоже были там. Горт с венком на голове широким шагом направился к четверым, все еще стоявшим возле палисада.

– А ваши жены? – спросил Септанта, когда эльф приблизился. – Старики, дети?

– Там никого нет, – возразил горт. – Их отправили к Монфору еще вчера, остались только воины. Ты – дукс этих солдат?

– Да. Мы собираем оставшихся в лесах и отправляем к лагерю воеводы. Если в кранноге ваших теперь нет...

Все посмотрели в сторону Флэя. Озеро словно плесневело, менялось вместе с воздухом над ним – облако бледно-зеленой мути заволакивало пространство, наползая со стороны дальнего берега, вытягивая вперед щупальца туманных отростков... И каждым отростком была низкая лодочка или плот, на которых маячили неясные фигуры.

Позади раздался шум, Септанта обернулся: на вершине холма возникла и сразу исчезла фигура Кучека, а затем какой-то округлый предмет, подсакивая, покатился вниз.

Трое эльфов отпрыгнули в разные стороны. С треском предмет ударился о каменную глыбу, подскочил, упал в траву и прокатился еще немного, пока Орхар не остановил его, подставив ногу. Разглядев череп, между темными глазницами

которого зияла трещина, Септанта сказал:

– Наверх, быстро...

На вершине холма они увидели мертвых лошадей – тех, на которых приехал отряд агача, – перевернутую телегу и Кучека, стоящего рядом с мосластым конем. Тот дергал ногами, пытался встать, изгибал шею и ржал, кося полным боли глазом на торчащий в его боку зазубренный ржавый тесак. В руках голема было необычное оружие: длинное древко с узким серпом на конце. Эльхант решил, что раньше Кучек прятал его в соломе, устилающей дно телеги. Голем занес серп, двое кентавров дернулись было к нему, но Кучек уже резко опустил напоминающее полумесяц лезвие и перерезал шею коня.

– Га, хранны! – огорченно рявкнул рыжий Бран. Его племя относилось к лошадям куда лучше, чем, к примеру, дети деревьев.

– Что случилось? – спросила Лана.

Вокруг телеги валялись раздробленные кости и обрывки истлевшей от времени одежды.

– Мракобестии, – скрипнул голем и толстой короткой рукой указал в сторону лесной дороги. – Там ехали, мимо. Много. Телеги, клетки на них. Углядели, часть свернула. Напали. Кучек их... – он показал свой серп, потом пнул ногой останки одного из врагов. – Но лошадок побили.

– Мракобестии? – повторил Эльхант.

– Так еще называют мертвоживых, – пояснила Лана. – Кучек, ты ранен...

Голем повернул голову, разглядывая свое плечо, из которого, пробив глиняную корку, торчал ржавый кинжал. Кучек выдернул его и равнодушно бросил в траву. Эльхант шагнул ближе, с интересом приглядываясь к узкому отверстию – ране? трещине?

– Тебе не больно?

– Боль... – скрипнул Кучек. – Боли нет.

– Если начнет крошиться дальше? Отваливаться?

– Затянется. Очень сильные раны, чтобы стал Кучек разрушаться.

Агача тронули за плечо, он повернулся – рядом стоял горт в серебристой кольчуге, с венком из плюща на голове.

– Мое имя Руан. Гляди, дукс...

С вершины холма было видно, что зеленое облако заняло уже большую часть озера. Возле причалов, тянувшихся вдоль дальней части кранного и ставших теперь почти неразличимыми, покачивалось множество лодочек и плотов. Фигуры мракобестий – дюжина дюжин, если не больше, – двигались по мосткам, стремительно приближаясь. Линия наступления изгибалась дугой, слева и справа вдоль берегов она двигалась быстрее: вскоре мракобестии возьмут холм в кольцо.

– Орки напали, – отрывисто произнес кентавр Бран. – И сразу – мертвоживые. Зеленокожие и мракобестии сговорились? Великий Ствол! – это плохо, очень плохо. В долине Вольных, откуда мы, – тоже мракобестии. Они везде...

Агач видел, что все, кроме Ланы, смотрят на него – будто ждут приказа. Но он решил, что с приказами надо повременить. Все менялось. Оказывается, он плохо понимал положение дел: Монфор Билал прав, и нападение мракобестий на Аргос – лишь часть чего-то куда более серьезного. Значит, он слишком мало знает, чтобы командовать. А раз так – надо узнать больше и уж потом делать выводы. Коль скоро все стало сложнее и запутаннее, теперь надо меньше действовать, но больше наблюдать и думать. Поэтому он молчал, разглядывая стремительно мутнеющее озеро, и наконец горт Руан произнес:

– Надо отступать. Я знаю лес, проведу вас... всех нас. Идем к Твердокамню.

Эльхант покосился на Орхара. Тот уже пришел в себя, глаза стали обычными, дышал солдат ровно. Лана и эльфы шли впереди, как и кентавры, за ними – агач, Орхар, рыжий Бран и молодой юркий жеребчик. Последний то отбегал в сторону, выискивая что-то среди деревьев, то принимался скакать вокруг Брана, пока вождь не велел:

– Уймись, тонконогий!

Позади всех тяжело топал Кучек, несший на плече серп с длинным древком. Теперь лес был со всех сторон. Горт Руан быстро вел отступающих в направлении Огненного Предела – мракобестии могли задержаться на озере, а могли и устремиться в погоню.

Бран некоторое время приглядывался к агачу и наконец спросил:

– Кедр?

Септанта кивнул.

– Ты знаешь язык орков, Бран?

Четвероногие и орки когда-то дружили, а потом на свадьбе хана Горака и королевы амазонок Сении два напившихся кентавра попытались похитить невесту, после чего между племенами и началась война. Вообще же эта свадьба стала событием, изменившим всю историю Атланса. Амазонки-питши жили далеко в Пределе Тверди. Раньше орки с детьми деревьев не враждовали, лишь иногда на границах у Гравийской пустоши и руин Скребунов возникали стычки окраинных туатов с отрядами кабаньих пастухов. Но хан Горак, нарушив все традиции своего племени, возжелал взять в жены повелительницу амазонок Сению, она же за Горака идти не собиралась. В конце концов ее выкрали, на свадьбе кентавры напились – они были неводержанным, диким племенем, – попытались похитить Сению у похитителя, были убиты охраной Горака и самим ханом. Затем, когда пьяный Горак ночью после свадебного пира пришел в шатер, где держали Сению, и собрался возлечь с женой, амазонка оскостила супруга (где она смогла раздобыть нож, осталось неизвестным), прирезала двух охраняющих вход орков и скрылась, воспользовавшись ночным мраком и тем, что большинство зеленокожих едва держалось на ногах. Горак не умер – но

обезумел. Спустя непродолжительное время его кабанья орда напала сначала на кентавров (те вынуждены были, потеряв треть своего народа, переселиться на северные границы Баркентин), а после и на эльфов. Горак стал легендарной фигурой, им пугали детей, друиды называли его сыном Мадреда. Если бы не Монфор Билал, сумевший сплотить войско туатов, зеленокожие сейчас властвовали бы над всем Атлансом. Во время решающей битвы, произошедшей между северными отрогами Горы Мира и лесом Кричбор, Монфор в поединке убил Горака – это, по сути, и стало концом войны. Лишь безумный гений хана мог объединить такой своенравный и буйный народ, как орки. После смерти военачальника и поражения под Кричбором отступившее войско не перегруппировалось и не попыталось захватить Срединный Атланс вновь, а распалось на небольшие стаи, которые еще недолго мародерствовали в окрестностях Горы Мира, пещер Абиата и Шепчущего леса, но, преследуемые детьми деревьев, быстро отступили в продуваемый всеми ветрами пустынный Огненный Предел.

– Знаю язык мохов, – проворчал Бран, – но плохо.

– «Гхар жургых», – сказал Эльхант. – Это выкрикнул желтый, перед тем как я убил его.

– Жургых – жург. Так мохи величают своих кабанов. Гхар... нет, не ведаю.

Кентавры называли орков мохами, потому что те вели свой род от мха на ветвях Высокого Древа. С происхождением самих кентавров дело оставалось неясным. Они полагали, что являются корой Древа, хотя друиды утверждали, что кентавры – лишь завядшие побеги на его ветвях.

Эльхант шел, искоса разглядывая могучую грудь Брана, широкие плечи, низкий лоб и приплюснутый нос... Во всех кентаврах присутствовало нечто необузданное, как в Орхаре на поле боя, – только солдат становился таким лишь во время сражения, а четвероногие были такими всегда. Спину Брана покрывала забрызганная темной кровью орков и кабанов кольчужная попона, широкую грудь перехлестывал ремень ножен, а в рыжий хвост были вплетены разноцветные кожаные шнурки. От кентавра шел сильный дух пота и крови. Эльхант заметил, что с самого их появления перед воротами кранного Лана старается держаться от четвероногих – и в особенности от Брана – на некотором расстоянии. Их любвеобильность не знала границ и превосходила даже их свирепость в бою. Вряд ли Лана опасалась, что кто-то из кентавров начнет

заигрывать с нею, скорее амазонке были неприятны взгляды, которые они кидали в ее сторону.

– Как вы попали в кранног? – спросил Септанта.

– Малым отрядом скакали, – проворчал Бран. – Из долины Вольных. У нас появились мохи, навалились толпой с Огненного Предела. А с Предела Тверди, от гор, мракобестии пришли. Разом напали – будто в сговоре.

– Орки и мертвоживые заодно?.. – начал Орхар, и кентавр воскликнул:

– Разом! Не знаю, сговорились – нет, но похоже на то. Мы прослышали, что и в ваших владениях нечисто, и поскакали к воеводе. Думали совет с ним держать... – он замолчал, хмурясь.

– Просить помощи, – произнес наконец Септанта.

– Да! – рявкнул Бран и вдруг заржал, словно обычный конь. – Просить помощи у Монфора! И у друидов. Ваши седобородые могут спасти всех нас! Или не помогали четвероногие туатам остроухих, когда те с мохами сражались? Следопыты, на окраине Шепчущего леса встреченные, сказали, где нынче воевода. Поскакали мы туда, но в дороге мохи напали на отряд. Двоим, самым молодым и быстроногим, я велел скакать дальше. Прорвались они и к лагерю помчались. А мы отступили к кранногу. Мохов слишком много было, нас же менее двух дюжин. Горты в кранног нас приняли, но мохи и туда за нами пришли. А дальше вы видели.

Эльхант молчал, обдумывая услышанное. Неужели тот, кто правит мракобестиями, сумел объединиться с орками? Это казалось невероятным: слишком уж дикий они народ. Зеленокожие и друг с другом договориться неспособны, только Горак смог тогда... Но если так – кто правитель мракобестий? И есть ли такой вообще?

– Воевода мертвоживых... – произнес Эльхант так громко, что идущие впереди эльфы и часть кентавров оглянулись. – Лана!

Амазонка посмотрела на Брана, который, раздувая ноздри, пристально глядел на нее, провела ладонью по лицу и подошла ближе.

– Что тебе, агач? – проворчала она.

– Воевода Монфор говорил что-то о повелителе мракобестий?

Она покачала головой.

– Мы считаем, ими никто не правит. Они появляются с разных сторон, беспорядочно...

Бран всхрипнул, привстав на дыбы и махнув передними ногами.

– На долину Вольных они напали разом с орками!

– Случай.

– Не похоже было.

– Может, у них и нет воеводы, – произнес Эльхант. – Но все это и вправду кажется слишком...

– Думай о том, как выполнить приказ Монфора! – отрезала Лана и пошла вперед.

– Но это важно, – возразил агач, обращаясь и к ней, и к Руану с Браном. – У мракобестий есть повелитель. Кто-то правит ими, и нам важно узнать – кто он. А еще... – агач замолчал, с легким удивлением глядя на Брана, который неведь с чего пришел в возбуждение – он сопел и тряс головой.

– Что? – спросил Септанта. Ушедшая было вперед Лана вновь вернулась, Руан тоже приблизился к ним.

– Горак, – вдруг произнес Бран. – Не хотел говорить...

– Чушь! – фыркнула Лана, отворачиваясь.

– Чушь? Может, и чушь, тонконогая! Да только его видели те, чьим словам я верю больше твоих!

Пританцовывающий вокруг юный кентавр заржал, преданно глядя на вождя.

Септанта увидел, как ладонь амазонки легла на меч, шагнул в сторону, чтобы оказаться между нею и Браном, но Лана не стала доставать оружие.

– И кто же его видел? – насмешливо спросила она.

– Воины.

– Ага... значит, ты веришь упившимся вина жеребцам, которым со страху мерещатся призраки? Что же, это разумно, верь и дальше, рыжий.

После таких слов Эльхант ожидал, что теперь за меч схватится Бран. Вождь сверкнул глазами на Лану, разинул рот – и вдруг захохотал, хлопая себя ладонями по брюху. Жеребчик недоуменно поглядел на него и тоже начал хихикать, размахивая куцым хвостом, будто метелкой.

– Твой язык остер, – признал наконец Бран, вытирая ладонью губы, – как и твой меч. Но ты вместе со всеми ними... – он указал на идущих впереди эльфов из отряда Эльханта... – помогла четвероногим в кранногах. Да, тонконогая, я стыжусь этого, но я говорю тебе: мы боимся хана. Горак – ужас нашего народа. И я прощаю твою насмешку. Ведь ты – женщина. Суть – кобылица.

– Ну так что? – взвилась Лана.

Юный жеребец, склонив голову к уху вождя, что-то тихо произнес, и тот, успокоившийся было, вновь расхохотался. Покрасневшая Лана переводила взгляд с одного на другого.

– И что с того, что я – женщина?! – повысила она голос, так и не дождавшись ответа. – Я обучалась у амазонок, слышал о таких, жеребец? И владею мечом лучше, чем большинство из тех мужей, что идут с нами. Или ты не веришь мне? – Клинок ее оружия на треть высунулся из ножен.

– Верю! – Бран поднял руки в примирительном жесте. Он теперь казался серьезным и вежливым, но Септанта видел, что кентавр едва сдерживает смех. – Клянусь своим хвостом – верю! Ты хорошая воительница. Да мне и нет нужды просто верить – я знаю! Ведь я видел, как ты сражалась у озера...

– Тогда в чем дело? – спросила она, вдвигая меч обратно, и вождь продолжал:

– Не думай, что среди моего племени – лишь дикие жеребцы, не знающие ничего, кроме доброй попойки, хорошей драки и игр с молодыми кобылицами на лугу. Среди нас есть и мудрые. Их немного, но даже ваши друиды, бывает, советуются с ними. Старый Фол давно поведал всем, в чем отличие между нами, тонконогая!

Теперь большинство эльфов прислушивалось к разговору – те, что шли впереди, повернули головы, а кентавры приотстали, чтобы оказаться рядом с Браном. Юный жеребец носился вокруг, все еще хихикая.

– И в чем же это отличие?

– В вашем разуме, женщина.

– Что не так с моим разумом? – насмешливо спросила она. – Он не хуже и не лучше твоего.

– Не хуже и не лучше – без сомнения. Но он иной.

– Какой же?

– Видела ли ты когда-нибудь рассеченный череп врага? Видела, что под ним? Разум состоит из двух половин. В голове они сжаты так, что расположены почти вплотную. – Бран свел вместе могучие, поросшие короткими рыжими волосами кулаки. – И я слышал от старого Фола, что есть важное отличие. Обе половины нашего разума расположены здесь, – он хлопнул себя по мощному лбу. – У вас же там лишь смятая ткань да нитки, а части вашего разума разделены и спрятаны в другом месте, – вождь почти нежно положил ладони себе на грудь.

Раздался хохот. Орхар крикнул, горт Руан отвернулся, пряча ухмылку. Из всех присутствующих не улыбнулись только Эльхант и бредущий позади Кучек.

И Лана. Она была облачена в темно-красный мужской костюм, на груди ворот разошелся, показывая белую рубаху – даже при желании его нельзя было затянуть, шнурки и так чуть не рвались, потому что бюст Ланы, невзирая на ее худобу, имел изрядный размер...

Амазонка плюнула под ноги Брана, отвернулась и широко зашагала вперед.

Некоторое время было тихо, лишь посмеивались эльфы да иногда коротко ржали кентавры.

– Горак, – напомнил Септанта. – Кто видел его? Когда?

– Полдюжины дней назад, – ответил Бран. – Трое жеребцов. Двое из них уже убиты.

– Но откуда они знают, что это был...

– Все трое бились тогда под Горой Мира! Видели поединок вашего воеводы и хана.

– Они видели Горака раньше?

– Да. Тогда они разглядели его ясно. Ведь поединок проходил при свете дня. Хотя в этот раз дело было ночью... Но все трое уверены: среди отряда мохов был сам хан!

– Я не понимаю, – признал Септанта, переглянувшись с Орхаром и сидом гортов. – Как такое может быть? Ведь Монфор зарубил хана, рассек его...

– Если хан жив и вернулся, – заговорил Руан, – то это самая плохая весть, которую я слышал за много лет. Это хуже, чем падение Агроса, хуже всего... но как он мог выжить? И где скрывался все это время? Почему не появился раньше? Нет, – добавил он после короткого раздумья. – Не верю.

– Я тоже не верю, остроухий! – сказал Бран. – Я не верю, что Горак мог выжить. Ведь я видел тот удар! Воевода рассек хана чуть не напополам. Таких, как Монфор, равных ему силой и умением, почти нет даже среди жеребцов из табуна берегов! Но мои воины говорили, что хан и не был жив...

Молчание, воцарившееся после этих слов, длилось долго. Наконец в тишине, нарушаемой лишь шелестом травы под ногами да листьев на ветвях обступивших тропу деревьев, Септанта произнес:

– Ты говоришь, хан Горак стал мертвоживым? Так не он ли и поднял их всех из земли?

Ответом ему был визг – тонкий и пронзительный, какой может издать лишь существо из породы тех, чей разум разделен на две половины и расположен не в голове. К тому же, судя по всему, существо это было очень юным.

Руан прошептал:

– Дальше – лесное кладбище. Но между кладбищем и нами Твердокамень...

Визг уже смолк. Все остановились, горты повернулись к Руану, кентавры – к Брану, а эльфы из отряда Септанты – к нему.

– Осторожно... – сказал сид. – Крепостной холм рядом...

Он, Эльхант, Лана, вождь и молодой жеребец сошли с тропы и медленно двинулись между деревьями. Остальные последовали за ними. Вновь донесся визг, затем хор тонких голосов, которые что-то кричали вразнобой, так что трудно было расслышать отдельные слова.

Вокруг пологого лесного холма тянулись высокие заросли, из-за которых виднелась обширная проплешина – на склонах и вершине обычные деревья не росли, это место занимал Твердокамень... теперь сгоревший почти дотла. Лишь уродливые черные бугры высились над землей. Четыре телеги стояли у подножия. Две наполнены мертвыми телами, на двух стояло множество клетей. Троица фей, маленьких пирси, суматошно взмахивая крылышками, летели низко над травой в сторону леса. Позади виднелись мракобестии, часть была

вооружена луками. Септанта разглядел мертвоживых и каких-то существ в лохмотьях. Множество их окружало телеги, запряженные не лошадьми, а ящерами, вроде того зверя на мосту возле сторожевой башни...

От одной из клеток вновь донесся визг.

– Это же феи!

Лана вдруг ухватила Брана за шею и вскочила на него.

– Туда! – велела она, обнажая меч.

Эльхант заметил растерянность, мелькнувшую в глазах рыжего, когда ноги амазонки сжали его бока, затем – возмущение... Потом кентавр осклабился, быстро покосившись на два колена, обтянутые темно-красной тканью. Заржав и выхватив свой огромный меч, он бросился вперед, ломая кусты.

– В бой! – крикнул Руан и устремился следом. Орхар, недолго думая, выдернул из-за спины цеп и побежал; позади часть эльфов уже вскакивала на кентавров, а часть на своих двоих мчалась к холму.

– На меня! – крикнул юный жеребец агачу, приседая. – Залазь на меня, дукс!

Септанта качнул головой и побежал, а разочарованный юнец поскакал рядом.

Лишь три телеги были запряжены ящерами, четвертую за множество постромок тянули феи. Те пирси, которых преследовали мракобестии, уже упали, сбитые стрелами. Но впереди кружилась еще целая стая, среди которой были и эллианы.

Бран с Ланой на спине первым достиг врагов, грудью разбрасывая их. Септанта увидел, как один из запряженных в телеги ящеров, припав на кривых лапах с поблескивающими когтями, разевает пасть, как он бьет длинным мощным хвостом – и трое эльфов отлетают от него. Орхар тем временем размозжил цепом голову второго зверя, а Бран могучим ударом от плеча перерубил шею третьего.

Пирси визжали, пытаясь взлететь, их прозрачные крылышки так и мелькали, – но порвать построжки феи не могли. Рядом с телегой стояло высокое существо, точь-в-точь как то, что появилось из зеленого тумана возле Аргоса: черный доспех и рогатый шлем... только на этот раз оно было вооружено булавой. Прямо перед Септантой возникла кривобокая фигура, агач ткнул кэлгором, выдернул и отскочил, когда она качнулась, но устояла на ногах. Не просто скелет, как под сторожевой башней, – кости покрывала гниющая плоть, на черепе еще оставались куски влажной кожи с лоскутьями слипшихся серых волос, а в одной глазнице было нечто вроде раздавленной сливы... Зомби – он не знал, как еще назвать это существо – ударил длинным копьем. Бросив кэлгор в ножны, Эльхант ухватился за это копьё обеими руками, навалился всем телом, а когда наконечник уперся в землю, прыгнул, не отпуская древка, вытянул ногу и попал подошвой в темно-зеленое лицо. Голова зомби откинулась назад, из кожи, с хлопаньем прорвав ее, выступил позвонок.

Септанта видел их: грязно-белые полупрозрачные отростки, напоминающие не то червей, не то древесные корни, что пронизывали тело мракобестии и скрепляли его. Зомби качнулся назад; агач крутанул копьё и опустил на врага, как длинную дубинку, пробив ключицу. Мертвоживой рухнул, сложился, будто под разлагающейся плотью кости его осыпались. Хрустя и булькая, он распластался на земле; прозрачные черви заизвивались, выдираясь из плоти, словно обладали разумом и теперь, как крысы – тонущий корабль, пытались покинуть сломанное тело. Затем они поблекли, тая.

Эльхант побежал, занеся копьё над правым плечом. Вокруг метались кентавры, визжали феи, звенели клинки эльфов и мракобестий. На ближайшей телеге стояла деревянная клеть, перед телегой – существо в черном доспехе. Все остальные клетки были примерно одинакового размера, а эта – куда больше, и не квадратная, но куполообразной формы. В ней тоже сидела фея: облаченная в вышитую золотыми нитями короткую тунику зеленоволосая эллиан ростом по пояс Эльханту, розовощекая и круглолицая.

Стоящий спиной к агачу черный занес булаву, намереваясь проломить клеть и убить ту, что находилась внутри. Эльхант, резко выдохнув, метнул копьё. Оно ударило туда, где от нижнего края шлема на доспех свисала кольчужная пелерина, толкнуло существо вперед. Булава опустилась, задев край клетки, но не сломав ее. Наконечник пробил пелерину и застрял в шее, другой конец копья уперся в землю. Черный, подняв руки и пытаясь вырвать его, уже поворачивался, когда Эльхант, обнажив кэлгор, бросился вперед. Сбоку вылетел юный кентавр –

встав на дыбы, обеими ногами ударил черного, но тот, выдернув и отбросив копье, ухватил его за копыта и провернул так, что жеребец с испуганным ржанием упал на бок.

Кэлгор звякнул о шлем, выстрелив искрами...

И вновь Эльхант различил их, но теперь куда отчетливее: светящиеся черви шевелились под доспехом. Тот состоял из такого же странного материала, не то камня, не то железа, что и стрела, которую агач вытащил из дозорного на крыше сторожевой башни; белое свечение червей проникало сквозь доспех. Септанта видел все это лишь мгновение – потерявший булаву враг нанес удар кулаком в железной перчатке. Агача отбросило назад, ребра хрустнули, дыхание перехватило. Он покатился по земле: небо, телеги и фигуры замелькали вокруг. И тут же трое кентавров, на одном из которых сидела Лана, а на другом – Руан, с разных сторон подскочили к черному.

Септанта приподнялся, уверенный в том, что с врагом покончено... но два кентавра упали. На ногах остался лишь Бран. Лана, потерявшая меч, – он теперь торчал из бедра черного, – наклонилась, орудуя кинжалом, пытаясь попасть в узкие прорези для глаз. Бран замахнулся, а мертвоживой поднял руки... Эльхант не разглядел, что произошло, но кентавр, громко заржав, начал заваливаться на спину. Лана соскочила с него, покатила под телегу, где пряталось несколько эллиан. Рыжий кентавр упал, дергая ногами, пытаясь встать. Слева, вытянув меч, к черному подступал Руан. Вспрыгнувший на телегу Орхар размахивал цепом над рогатым шлемом. Враг взмахнул руками – и Руан отлетел назад; ударил ногой в телегу – и та содрогнулась. Орхар присел, но не смог удержаться и опрокинулся на спину, взмахнув цепом. Мимо Септанты, выставив перед собой серп, пробежал Кучек. Тяжело переставляя ноги-столбы, он двигался, будто сползающая по склону каменная глыба. Присев, черный ухватился за края телеги, выпрямился, поставил ее набок, собираясь перевернуть на Орхара и фей... и тут серп вонзился в его спину.

Эльхант прищурился, внимательно наблюдая за происходящим. Кучек не замедлил шага, словно никакого врага не было – все так же тяжело двигаясь вперед, он пронзил мертвоживого и начал поворачивать длинное древко кверху. Оно заскрипело, затрещало...

Голем остановился лишь перед самой телегой, над визжащими феями и стоящей на коленях Ланой. Древко теперь было повернуто вертикально, на конце его

ворочался черный: серпа не стало видно, кривое лезвие целиком погрузилось в тело. Кучек шагнул назад и просто выпустил оружие из рук. Оно вдавилось в землю нижним концом, мгновение стояло неподвижно, потом стало заваливаться – голем неторопливо пошел к тому месту, где должен был оказаться враг. Серп упал, мертвоживой распластался на земле. Кучек в широком шаге занес ногу и опустил ее, раздавив голову вместе с рогатым шлемом.

Над холмом раздался неслышный вой. Именно неслышный – звуки смолкли, и в наступившей тишине бесшумная волна разошлась от того места, где лежал поверженный враг. Из всех, кто находился здесь, лишь Кучек остался неподвижен, вой обтек его, как черный прибой – могучую прибрежную скалу. Завизжали феи, заржали кентавры, охнул какой-то эльф. За телегой поднявшийся на ноги Орхар, крикнув, выпустил из рук цеп, Лана качнулась, тонко закричал юный жеребец. Но сильнее всех вой подействовал на Эльханта – его словно толкнуло массивной дверью, на которую навалилось разом несколько сильных воинов. Агач отшатнулся, переступил с ноги на ногу и упал на колени. На эльфах и феях затрепетала одежда; полы плаща Септанты взметнулись, длинные волосы приподнялись, будто на очень сильном ветру. Агач увидел, как из лежащего тела выстрелил поток белесых червей – они соткались в призрачное существо с вытянутой головой и тонкими, как веревки, извивающимися конечностями. Невидимое для остальных, существо это окинуло агача внимательным взглядом, а затем распалось – дюжины червей, вытянувшись горизонтально и тая, истлевая на ходу, устремились прочь, вдоль подножия холма, куда-то на юг, к центру мира – и мгновенно пропали из виду.

Вой смолк. Полы плаща, хлопнув, опустились за спиной Эльханта, и вновь плач и причитания фей зазвучали над холмом.

Из-за деревянных прутьев клетей на него смотрело множество глаз, и одна пара – самых огромных, самых невинных и синих глаз, которые агач видел в своей жизни, – глядела из той большой клетки, которую хотел проломить черный, – теперь она, перевернутая, лежала на земле.

Септанта шагнул к ней, в два удара прорубил прутья и отвернулся. Присевшая на корточки Лана пыталась снять рогатый шлем.

– Мракобестии плохие воины! – рявкнул Бран. – Хуже их только гнолли... Не ной, Пандос!

Юный жеребец, охая и морщась, растирал голени передних ног. Кентавры выпускали из клеток других фей, эльфы перерезали построжки тех, что тянули одну из телег. Здесь были и эллианы и пирси – первые куда больше ростом, с пышными длинными волосами. Очертания их тел, бюсты и бедра, были более округлыми, они производили впечатление взрослых, хоть и маленьких женщин. Ну а пирси напоминали юниц, едва ли вышедших из детского возраста. Плоскогрудые, с короткими волосами – а иногда лишь зеленым, синим или желтым пушком на круглых светлых головенках, – более подвижные и совсем крошечные. Эллианы были одеты в короткие туники, пирси же по большей части нагие, хотя некоторые носили платица из паутины либо набедренные повязки из свернутых листьев.

– Кучек, я хотела увидеть, что под шлемом, а теперь это невозможно! – сказала амазонка, выпрямляясь. – Обломки совсем разворотили ему рожу.

Эльхант рассмотрел мертвые тела, лежащие в повозках вокруг клеток, и не спеша пошел к вершине. Он миновал толстый изогнутый ствол, напоминавший теперь обугленную колоду, наискось торчащую из земли, увидел остатки бойниц – квадратные дыры в коре, вылезшие из земли корневища... В Пределе Огня феи не жили, Эльханту пока не доводилось видеть плоды их магии. Впрочем, теперь и от Твердокамня мало что осталось...

– Воин!

Он обернулся.

– Ты спас меня, воин.

Голос напоминал журчание ручья, пение лесной птицы, шелест весенней листвы... Облаченная в короткую тунику зеленоволосая женщина ростом по пояс агачу быстро взмахивала широкими радужными крылышками, торчащими из прорезей в ткани на спине. С крыльев сыпались прозрачные голубые хлопья, напоминающие листья – магия, которая помогала феям держаться в воздухе – и, не долетая до земли, исчезали. Огромные глаза сияли чистым небесным светом.

– Я – Оливия, – объявила она, подлетая ближе, – владычица лесных фей. Кто ты?

– Эльхант, – сказал Септанта и отвернулся, разглядывая остатки Твердокамня.

Послышались шаги, агач посмотрел через плечо: Бран, Руан, Орхар и амазонка медленно поднимались к нему. Рыдающие феи висели на шеях кентавров и эльфов. На плече у Орхара сидели две маленькие пирси. Лана поглядывала на фей презрительно-жалостно.

– Воин! – позвала Оливия, к которой подлетело несколько эллиан, и Септанта перевел на нее задумчивый взгляд.

– Ты слышал? Я, владычица фей, благодарю тебя.

– Я слышал.

С полдюжины эллиан окружили агача, все они разноцветными глазами, еще полными слез и испуга, разглядывая его.

– Это Тилви, – сказала владычица, – Данви, Крю, Пуни, Муни, Поэми, Фули и Нули...

– Я не запомню столько имен, – перебил агач.

– Что мы можем сделать для тебя, Эльхант? Ты спас меня, и я хочу...

– Вы можете лететь в лес, спрятаться там и не мешать.

– Эй, остроухий! – позвал Бран, вместе с остальными подходя к ним. – Что стряслось, когда сдох тот, в рогатом шлеме?

Эльхант лишь пожал плечами, затем сказал:

– Для чего мракобестии везли трупы на телегах? Для чего им тела мертвых детей деревьев?

– Да какая разница... – начала Лана, но тут вновь зажурчал голосок Оливии, обиженной тем, что Септанта не обращает внимания на ее попытки

познакомиться ближе:

– Они ехали в сторону кладбища.

– Кладбища? – переспросил Эльхант.

Оливия вздернула нос и, быстро взмахивая крылышками, с которых так и сыпались прозрачные листья, подлетела к Руану. Когда настроение фей менялось, листья тоже меняли оттенок – теперь они стали желтыми. Владычица повисла перед красавцем-гортом, оглядывая его с ног до головы, и сказала, будто это он задал вопрос:

– Ведь в лесу старое кладбище, где хоронили своих мертвецов саилы до того, как поселились возле Флэя. Нас везли к нему.

– Для чего? – спросил Руан, слегка улыбаясь и помимо воли поглядывая на вырез туники. Если верить словам рыжего кентавра, Оливия была очень умной.

Она развела полноватыми руками с детскими складочками у запястий.

– Этого мы не знаем.

Маленькая пирси попыталась примоститься на плече Эльханта, он взял ее двумя пальцами за голову и поднес к глазам, рассматривая. Пирси зашипела, выпучив глаза, замотала крыльями – водопад темных капель сыпался с них и растворялся в воздухе, – пытаясь ущипнуть агача за ладонь. Нарядом ей служило короткое платье из паутины, сквозь которое хорошо виднелась смуглая кожа. Эльхант повернул пирси, та заизвивалась, беззвучно разевая крошечный рот, – в отличие от эллиан, разговаривать они не умели – и уперлась пятками в запястье, пытаясь высвободиться.

– Отпусти ее! – возмущенно воскликнула Лана.

Он наконец отпустил фею. Оставляя за собой поток гневных темно-синих хлопьев и грозя Эльханту кулаком, та отлетела, спряталась за спину амазонки и оттуда принялась настороженно наблюдать за агачем, иногда вновь переполняясь гневом и тонко шипя, как маленькая змейка.

Тилви, Данви, Крю, Пуни и прочие из свиты Оливии уже потеряли интерес к Септанте. Две феи устроились на спине Брана – изогнув торс, вождь разговаривал с ними, размахивая руками и показывая, как он сражался с мракобестиями, а они закатывали глаза, сучили голыми ногами (на которые то и дело устремлялся взгляд кентавра) и взвизгивали; часть окружила Оливию, беседующую с Орхаром и Руаном, часть разлетелась.

Про Эльханта забыли, и он побрел к вершине между покореженными стенами. Твердокамень вырастили феи. Они с деревьями были неразлучны и могли жить только в лесах. Это племя состояло лишь из женщин, и другие жители Атланса долгое время задавались вопросом: откуда берутся новые феи? Те хранили тайну и ничего не рассказывали даже друидам, но в конце концов стало известно, что они появляются весной из почек – не из всех и не всегда, а лишь раз в три года и лишь от деревьев определенного вида. Некоторые феи вырастали и превращались в эллиан, другие так и оставались детьми-пирси.

Со всех сторон доносился плач. Множество фей сновало между обугленными останками древесной крепости. Крылатые женщины рыдали, нежно глядя изогнутые черные стволы и провалившиеся от жара колоды. Хрустя еще теплыми углями и разбрасывая пепел носками сапог, Эльхант шел, внимательно глядя под ноги... ему то и дело попадалось брошенное оружие, то меч, то щит, то обгоревший лук, но он не видел ни одного из защитников Твердокамня. Мракобестии уволокли всех, отвезли к старому кладбищу или куда-то еще, – детей деревьев здесь не осталось. Но зачем? Для чего враги забирали трупы, что собирались делать с ними? Неужели в земле не хватает костей? На телегах лежало полторы дюжины тел, Септанта хорошо разглядел их. В основном – эльфы, хотя среди них были и зеленокожие.

Он добрался до вершины, где чернел обрубок главной крепостной башни, напоминающий ствол очень широкого дерева. Внутри были пустоты – коридоры и кольцевые галереи с бойницами. Положив ладонь на шершавую поверхность обугленного дерева, Эльхант повернулся, разглядывая склон, руины, повозки и фигуры у подножия, поляну и лес... Телеги отведут ближе к реке, тела тех, кто лежит на них, и тех, кто погиб в схватке с мертвоживыми, предадут огню – так дети деревьев и четвероногие хоронят своих мертвецов, если поблизости нет друида, который может пропеть песнь земли и провести ритуал захоронения. Вместе с дымом погребального костра души воспарят к небесам, чтобы после упасть и впитаться в землю...

Кто правит мракобестиями? И для чего им трупы тех, кого они убили? Возможно ли, чтобы кто-то сумел оживить Горак? И что произошло, когда Кучек раздавил голову черного? Чье-то сознание вышло из тела... сознание того, кто этим телом управлял. Агач тогда понял, что враг заметил его, выделил из толпы эльфов. Эти белесые призрачные волокна, будто трупные черви, живущие в плоти черного... Они – магия. Они заставляют врагов двигаться, с их помощью повелитель мракобестий командует своими подданными. Может ли это быть Горак? И если да, то кто поднял из земли его самого? Друиды – могущественные колдуны. Даже барды и филиды могут декламировать заклинания-песни, которые изменяют окружающее, ну а друиды умеют еще много чего... Но зачем какому-то сыну омелы оживлять хана? При мысли о седобородых чародеях пальцы Эльханта сжались на рукояти кэлгора.

Он хлопнул себя по бедру и тряхнул головой. Хан Горак вернулся из земли мертвых. Как такое могло произойти – сейчас несущественно, важно другое: что с этим делать теперь?

Раздался еле слышный шелест, и Септанта обернулся. Поэми, фея из свиты владычицы, с глазами, напоминающими два бездонных темно-синих лесных озера, и, видимо, вторая по величине ума после Оливии, повисла перед Эльхантом, быстро взмахивая прозрачными крыльями. Листья слетали с них, мягко падали на землю и пропадали. Когда агач окинул ее взглядом, алые губы Поэми изогнулись в жалкой улыбке.

– Это место наполнено печалью... – произнесла она. – Все мертво.

Септанта пожал плечами, не зная, что отвечать на это. Печаль... нет, он не ощущал печали. Но зато хорошо чувствовал странную мощь, пронизывающую землю. Холм напивалась магия, он будто дрожал, не в силах вместить ее.

– Вы любите деревья? – спросил Эльхант.

– Любим... – фея смущенно отвела взгляд. – Да, это так. Я хочу поблагодарить тебя, воин...

– Владычица уже благодарила меня.

– Она лишь сказала слова, а я хочу... – Поэми подлетела ближе, широко расставив маленькие ручки, положила их на плечи Эльханта. Он увидел прямо перед собой ее лицо, круглые щеки, курносый нос и глаза, в которых можно утонуть... Если бы только Эльхант не являлся великаном в сравнении с феей, а так озера ее глаз были слишком мелки для него. Агач ощутил дыхание – земляника, лесные орехи и прелая листва, – а потом Поэми поцеловала его, легко коснулась губами губ и сразу отлетела.

– Не следует долго оставаться здесь, – произнесла она. – Пока еще сила крепости не ушла в землю.

– Это та сила, которую вы вложили в Твердокамень, чтобы вырастить его? – спросил Эльхант. – Что будет с нею дальше?

– Она разойдется во все стороны и через корни вольется обратно в деревья.

– Обратно?

– Да. Мы берем силу у деревьев и возвращаем ее им.

– Если так, какой смысл...

– Смысл? – Она чуть нахмурилась. – Что значит «смысл»? Я не знаю этого слова. Сила течет по кругу, а когда проходит через нас, она меняется и обновляется. Благодаря ей... – эллиан смолкла.

– Благодаря ей из почек вырастают новые феи? – уточнил Эльхант. – Сила леса – как мужское семя?

Поэми вспыхнула, сыплющиеся с крыльев листья пожелтели – но продлилось это недолго. Ее нрав был куда более мягок, чем у владычицы, и фея лишь отвернулась, пытаясь скрыть смущение.

– Как мракобестии смогли поджечь Твердокамень? – спросил Септанта. – Я слышал, дерево фей почти не горит.

– Они использовали магию.

От подножия холма доносился скрип телег, ржание и голоса, но у вершины, среди обгорелых стволов и вылезших из земли треснувших корней, стояла тишина.

– Идем, – повторила Поэми.

Эльхант пошел вниз. Он приблизился к Лане, разговаривавшей с Оливией, и сказал:

– Монфор приказал стать в Твердокамне и дожидаться подхода войска. Но крепости больше нет. Значит, надо сделать ее вновь. – Агач глянул на Оливию. – Владычица, вы должны вырастить новую.

Несколько порхающих неподалеку эллиан ахнули. Оливия воскликнула:

– Чтобы ее опять сожгли? Деревья живые, великая печаль поселилась в наших сердцах...

– Ты хотела отблагодарить нас за то, что твоих подданных спасли от смерти? – перебил Септанта. – А меня – за то, что спас тебя? Если бы ты была эльфийкой, твоя благодарность могла бы выглядеть иначе. Но ты – фея. Вырасти новый Твердокамень.

– Это же большая крепость! Воссоздать такую... потребует много времени и много сил.

– Ну так соберите все свои силы, – велел Эльхант.

Владычица вспыхнула, пухлые щеки ее порозовели, а хлопья, летящие с крыльев, налились красным цветом... Потом она сказала:

– Хорошо, дикарь. Мы попробуем вырастить крепость на этом же холме. Наша сила осталась в его склонах, ею можно воспользоваться... Мы сделаем это. Но вы не должны ничего видеть... Уйдите все.

– Не понимаю, – произнес Эльхант. – Почему она заставила нас уйти?

Отряд расположился не слишком далеко от холма, но так, чтобы его скрыли деревья. Эллианы прогнали и пирси, теперь крылатые создания сидели на ветвях, на плечах эльфов и кентавров, порхали среди листвы. Кучек уже долгое время стоял неподвижно – может, спал, хотя глаза оставались открытыми. Рядом похрапывал, свесив руки вдоль боков и склонив голову на грудь, юный кентавр.

Эльхант заметил ту пирси, которую рассматривал на склоне холма, – она, кажется, решила, что агач является воплощением всего самого ужасного, что есть в этом лучшем из миров, и за ним надо неотрывно наблюдать. Фея сидела в траве и пялилась на Септанту темными глазенками, а когда он поворачивал голову, тихо шипя, приседала, прячась на некоторое время, после чего высовывалась вновь.

Покинув холм, они расставили охрану, чтобы не наскочили неожиданно орки или мракобестии, и принялись ждать. Септанта устроился под деревом, привалившись к стволу, ощущая, как волны незримой силы накатывают со стороны Твердокамня. Он будто стоял по пояс в реке с сильным течением – чувствовал нечто мягкое, но мощное, что расходилось от холма.

– Почему они не хотят, чтобы мы видели это? – повторил он.

Растянувшийся на траве Орхар, не открывая глаз, что-то пробурчал, а Бран, беседовавший с Ланой и сидом гортов, повернулся к Эльханту.

– Для фей это – все равно что для нас уединяться с хорошей кобылкой. Надо делать, когда никто не видит! – Бран заржал, и Орхар ухмыльнулся.

– Поглядеть, что за холмом... – задумчиво добавил кентавр. – От Твердокамня недалеко до кладбища.

– Вам самим на кладбище соваться нельзя, – возразил Эльхант.

– Никто про это и не говорил, остроухий. Поглядим лишь, чтобы мракобестий не было в округе. Скучаю на месте стоять. Пандос!

Юный жеребец всхрапнул и раскрыл глаза.

– Вокруг холма поскачем. Собери еще с полдюжины четвероногих. Остальные пусть здесь остаются.

Септанта заметил, как нахмурилась Лана. Рыжий не спрашивал разрешения – ни у агача, ни у амазонки, ни у Руана – он не принял их главенства в невольно объединившемся отряде четвероногих и двуногих. Они были союзниками, не больше. У кентавров слишком независимый нрав, чтобы подчиняться кому-то из других племен. Более развитые и менее жестокие, чем орки, они все же были ближе к последним, чем к детям деревьев.

Но амазонка сдержалась, не сказала ни слова, когда семеро кентавров с Браном во главе покинули место стоянки. Раньше Лана немедленно доводила до сведения окружающих все, что думает и чувствует по поводу происходящего, но за последнее время стала немного сдержаннее. Казалось, она размышляет о чем-то таком, о чем еще никогда не размышляла.

Эльхант пристально разглядывал Кучека.

– Давно он служит у Монфора? – спросил агач. – Откуда он взялся?

Лана села рядом на траву, поджав ноги.

– Мы тогда были в Пределе Тверди, близ островов Троицы. Корабельщики Стир-Пайка приплыли туда, отец с ними совещался: думали создать флот, чтобы плавать вдоль побережья. Пограничники видели орков на лодках, выдолбленных из бревен. Вдруг зеленокожие попытаются обогнуть Атланс по воде? Мы стали лагерем у берега, прибыли корабельщики, они говорили... Потом, ночью, отец вышел из шатра – и увидел плот, совсем небольшой. Он качался на волнах неподалеку от берега. Отец вошел в воду, ухватил плот и вытащил на сушу. Там лежал Кучек. Наверное, он плыл через какое-то очень жаркое место. Глина потрескалась и пропиталась солью. Отец позвал знахаря. Никто не знал, как лечить големов, ведь мы никогда не видели их...

– В Гравийской пустоши мы иногда находили вырезанные из дерева фигурки, – сказал Септанта. – А посреди руин Скребунов есть статуя голема. И резьба на стенах, а еще слова на древнем языке. Друиды переводили их – «големус». Хотя те фигуры не совсем такие. У Кучека есть голова, а они вроде как безголовые.

– Да. Мы даже не знали, жив он или мертв. Он не шевелился, не дышал... потом уже мы поняли, что он вообще не дышит. Филид, который был с нами, намазал его густой настойкой, та смягчила глину. Утром Кучек пришел в себя. Но он ничего не помнит... или говорит, что не помнит о том, что было с ним раньше и как попал на плот.

– И он стал служить твоему отцу?

– Да. Он сам вызвался.

Эльхант открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут его окатило волной дрожи. От холма донеслись необычные звуки. Так же, как вой, который издал умирающий черный, они не были слышны ушами, но ощущались разумом. Септанта привстал, потом опустился на колени, сжав кулаки и склонив голову, глядя в землю и ощущая пустоту в груди.

– Что с тобой? – спросила Лана.

Она удивленно наблюдала за дикарем – сдержанный и слегка отстраненный, он впервые проявил слабость. Узкое лицо агача побледнело и осунулось. Раньше он двигался быстро, порывисто, теперь же стал вялым, будто сонным.

– Что такое? – повторила Лана, опускаясь рядом на корточки.

Септанта некоторое время молчал, затем медленно поднял руку и ткнул пальцем в сторону холма.

– Там происходит такое, чего я не понимаю...

– Да они просто колдуют... – удивилась амазонка.

– Колдуют... Это незнакомая магия, сыны омелы делают это не так. Сила фей... слишком необычна.

Лана покачала головой, глядя на деревья, за которыми скрывался холм.

– Ты и вправду чувствуешь магию. Наверное, ты можешь стать друидом.

Эльхант вновь сел, тяжело привалился к стволу. Плещущаяся вокруг холма магия фей пронизывала его тело, покачивала, будто сухую ветку на речных волнах.

– Нет, не могу. Альвар... Отец пытался научить. Чувствую... Да, чувствую, иногда вижу ее. Но не могу, даже как бард – повторить созданное другими заклятье, даже на это неспособен. Могу запомнить, хотя и с трудом, могу произнести, но ничего не происходит, слова не становятся магией. И песни сынов омелы плохо держатся в голове. Меня беспокоит эта сила. То, что делают феи.

– Но почему? Что в ней такого? Феи издавна живут в лесах и всегда помогали нам, если мы просили...

Эльхант поднял руку, и Лана замолчала, когда он приложил ладонь ко лбу.

– Я знаю, что все просто, – произнес агач с закрытыми глазами. – Есть ты, есть другие. Среди них есть свои, есть враги. Своим надо помогать, врагов – убивать. Тебе остается лишь решить, как это делать, и все. Но из-за... – он медленно повел рукой в сторону холма. – Из-за этого начинаю понимать: есть что-то еще. Под всем... Под всем спрятано что-то темное и непонятное. Сложное...

– Мадред, – сказала Лана. – Друиды говорят: Артар – все мужи, Мара – жены, а Мадред – то темное, что есть в каждом сыне и каждой дочери Высокого Древа.

Они замолчали, думая каждый о своем. Для Ланы, чья мать умерла сразу после родов, воспитывавшейся сначала среди неразговорчивых и суровых мужей-доиров, а после – среди еще более суровых питшей, жизнь так же представлялась простой и ясной. Она не видела ничего необычного в магии фей, не верила в восставшего из праха Горака... но она знала сынов омелы, знала, на что они способны.

– Почему друиды изгнали Альвара? – спросила она.

Глаза Септанты раскрылись, и он посмотрел на амазонку.

– Ты не знаешь?

Она пожала плечами:

– Лишь слухи. В шесть лет отец отдал меня на воспитание питшам. Там говорили, что Альвар Гай пытался убить оллама.

– Ложь. Он... он сделал другое. Хотел сделать. Я не буду говорить об этом. Я...

Что-то произошло на холме – волны, накатывающие все быстрее и быстрее, вдруг схлынули, а потом из вершины будто ударил фонтан, так что затрепетали листья на деревьях по всей округе, закачались ветви, и не только Эльхант, но и другие ощутили этот всплеск. Агач зажмурился. Его рассудок закрутило в водовороте... И тут же все кончилось – наступила тишина, волны силы перестали биться в разум Септанты, как вышедшая из берегов река в одинокое дерево, грозя подмыть и опрокинуть его.

– Летит, – произнес Орхар.

Это оказалась Поэми – покрасневшая, с растрепанными волосами. Когда она возникла среди деревьев, пирси со всех сторон устремились к ней, что-то взволнованно пища. Не обращая внимания на остальных, Поэми подлетела к Эльханту и сказала:

– Владычица передает, что вы можете возвращаться.

– К холму! – громко произнесла Лана, и эльфы начали подниматься на ноги.

Крылья Поэми затрепетали, она тихо застонала, покачиваясь. Темно-синие глаза закатились, фея перевернулась спиной книзу, падая в траву. Шагнув вперед, Эльхант подхватил ее.

– Что с тобой?

Поэми молчала. Голова безвольно откинулась, эллиан повисла на руках Септанты. Под туникой из крапивной ткани грудь тяжело вздымалась. Сжимая Поэми в объятьях, Эльхант вслед за остальными пошел в сторону холма. Оттуда уже доносились голоса вернувшихся кентавров.

Поэми пришла в себя, когда Эльхант остановился у подножия. Фея что-то пробормотала, ухватив агача за руки, развела их и взлетела. Эльхант не заметил этого – как и все остальные, он глядел на холм. Черный цвет исчез, склоны покрылись светло-коричневыми и ярко-зелеными пятнами. Толстые стволы, переплетенные, будто прутья в корзине или изгороди, образовывали стену, которая тянулась по кругу примерно на середине склона, опоясывая вершину. Ее венчала башня, очень широкая у основания и сужающаяся кверху, где она заканчивалась площадкой в окружении густо растущих веток и листвы – будто пышной зеленой шапки. Вся крепость казалась живой, и она все еще продолжала расти: из стены появлялись тонкие ветви, они изгибались, прорастая листьями, оплетали бойницы. Временами земля начинала шевелиться, когда новые корни пронзали ее, вгрызаясь в холм. За крепостной стеной виднелись башенки; в ней были ворота с одной шелестящей листьями створкой – изогнутый квадратом ствол и виноградная лоза, протянувшаяся ровными рядами.

Эльфы столпились у подножия, изумленно разглядывая все это. Над стеной и между ветвями, что украшали вершину центральной башни, порхали эллианы. Стая пирси, радостно пища, устремилась к ним. Ухватив Эльханта за руку, Поэми потащила его вверх.

Переглядываясь, дети деревьев направились следом. Из-за холма донеслись голоса не успевших ускакать далеко кентавров, которые теперь также поднимались к вершине, но с другой стороны.

Когда Поэми подвела Эльханта к воротам, те сдвинулись на двух гибких стволах, заменяющих петли, приоткрылись, и наружу вылетела бледная Оливия.

– Внутри возле башни есть круг земли! – громко произнесла владычица. – Костер жечь только там. И только из мертвых ветвей. Вы слышите? Стены и все, что здесь, не рубить, не резать!

– Почему? – спросил Эльхант, останавливаясь возле ворот и заглядывая внутрь. Рядом из бугристой светло-коричневой стены показалась ветка. Она изогнулась к небу, удлиняясь, прорастая листьями – крошечные спиральки на глазах увеличивались, с тихим шелестом распрямлялись, наливаясь сочной зеленью. Крепость шевелилась, но все медленнее, последние побеги пробивались из стен.

– Представь, что крепость – это я, – произнесла Поэми. – Стены, все остальное – мое тело. Ему нельзя вредить.

– Да, тело феи, – подтвердила Оливия. – Изменившееся, но живое. Стали бы вы резать или царапать меня?

– Резать или царапать – не, – произнес сзади Орхар. Он протиснулся между эльфами, подошел ближе, с веселым удивлением разглядывая шевелящуюся стену. – А вот ежели... – Ухмыляясь, солдат положил ладонь на толстый ствол, изогнутый, переплетенный с соседними так, что щелей между ними не осталось, и медленно провел по нему рукой.

– Прекрати! – велела Лана, и тут на склоне показались кентавры.

– Смотрите, а вон среди них новой, – Орхар зашагал к четвероногим.

Лана и Руан направились следом, но Септанта сначала шагнул в ворота, оглядел пологую вершину, стволы и ветви, летающих между башнями фей, и лишь затем пошел к кентаврам.

– Вот гонец, что поскакал дальше, к воеводе, – произнес Бран, когда Септанта остановился рядом. – Второго догнали журги, а Дарвала не смогли. Он вернулся с повелением от воеводы, мы встретили его в лесу.

– Отец приказывает возвращаться, – добавила Лана хмуро.

– Дела плохи! – Вождь стукнул кулаком по ладони. Септанта вопросительно посмотрел на него, но рыжий коротко заржал и пошел прочь вместе с кентавром-гонцом. Когда агач перевел взгляд на Лану, та пояснила:

– В лесу возле лагеря что-то происходит. Отец сказал, что... этот четвероногий передал его слова так: лес темнеет. Причем с разных сторон. Вроде там собираются войска мракобестий. Два отряда следопытов не вернулись, а наездники на грифонах сверху не могут ничего разобрать. Они говорят – вроде плесневелого тумана над кронами, и он непроницаем для взгляда. Но возле Кору они видели войско орков, которое шло в нашу сторону со стороны руин Скребунов. Очень большое войско.

– Горак вернулся! – рявкнул Бран позади.

– Может быть. Хотя я не верю в это, – сказала Лана. – Посреди леса дети деревьев больше не могут оставаться, там их легко окружить. Воевода хочет занять оборону в крепости. Войско движется в нашу сторону.

– Так что изменилось? – спросил Эльхант. – Что хочет Монфор от нас? Он идет сюда? Хорошо, мы ждем.

– Нет, он приказывает нам двигаться навстречу. Нас слишком мало, оставаться опасно. Возвращаемся.

– Но уже вечерет, – возразил стоящий рядом Руан, и Лана развернулась к нему:

– Ну так что? Или ты страшишься ночного леса?! Ты слышал приказ воеводы!

– Мы выполним его приказ завтра, – решил Эльхант. – Воевода говорит, здесь опасно? Но возвращаться ночью куда опаснее, или ты не понимаешь этого?

Не слушая возражений, он пошел к воротам, а взгляд Ланы жег его спину.

* * *

Эльхант проснулся и тут же резко сел. Сознание вынырнуло из сна почти мгновенно; несмотря на то, что он находился в малознакомом месте и спал здесь впервые, агач сразу вспомнил, где он и какие события привели его сюда.

В главную башню нового Твердокамня проникал тусклый звездный свет. Он скупко озарял древесные стены, изогнутый потолок и поросший мягким мхом, будто накрытый ковром, пол. Маленькая пирси, усевшаяся Эльханту на лоб и щипавшая его за ухо – потому-то он и проснулся, – описав в воздухе петлю, чуть не ударилась о стену. Она тихо зашипела, а потом замахала руками, начала хлопать себя по ушам и показывать на один из проемов – но Септанта уже и сам услышал. Он спал одетый. Обув сапоги, вскочил и, на ходу перекидывая через голову ремень ножен, выпрыгнул в проем.

Стены Твердокамня высились вокруг. Свет звезд лежал на склонах и зданиях, будто легчайшая невесомая ткань, разорванная в тех местах, где у стен залегли тени. Время шло к рассвету – казалось, ничто еще не свидетельствовало об этом, и раскинувшиеся над Атлансом далекие холодные небеса оставались черными, но близость утра ощущалась в воздухе, в изменившихся лесных звуках.

Когда Эльхант оказался снаружи, пирси, вылетев следом, вновь замахала руками, показывая вправо. Эльхант кивнул, огляделся, выискивая ночных дозорных, прислушался – и побежал. Окружавшая крепость стена достигала высоты в три эльфийских роста, к вершине вели покатые деревянные уступы. Вдруг по ним скатилось тело дозорного. Трупы двух других виднелись вверху. Над ними маячили кособокие фигуры.

– Тревога! – заорал агач и помчался вверх, перепрыгивая с одного уступа на другой. – Мертвоживые!

Отголосок тишайшей призрачной мелодии достиг его ушей. На бегу Эльхант поднял голову: что-то светящееся повисло у вершины центральной башни. Вытянутый силуэт играл, испуская мелодичные звуки, звон колокольчиков и свист дудки. Очертаниями он напоминал фигуру эльфа, сутулую, хилую – древний старец с длинной, расплывающейся в воздухе бородой. Странное создание окинуло крепостной двор долгим взглядом. Перепрыгнув через корень, Септанта вскинул руку с мечом и взмахнул им; силуэт повернул голову к нему, плеснув струйками, состоящими из частого щелканья трещотки и звона, а потом растаял, растекся вдоль башни и пропал.

По вершине стены шла неширокая площадка. Эльхант сшиб с ног одного врага и пронзил кэлгором второго – меч вошел в тело очень легко, пробил его насквозь, поднялся, прорезая брюхо и грудину до ключицы.

Крик агача разнесся над холмом, и спустя несколько мгновений ночной полумрак откликнулся голосами воинов, визгом фей, топотом ног. Эльхант ударом ноги сбросил вниз третьего мертвого; провожая взглядом тело, которое сначала летело вдоль стены, а после катилось по склону, увидел на этом склоне множество шевелящихся теней.

Эльфы выбегали из башен, а те, что спали на открытом воздухе, уже дрались – часть мракобестий успела проникнуть в Твердокамень. Сжимая кэлгор обеими руками перед грудью, так, что клинок был направлен наискось вверх, Эльхант заспешил вдоль края стены, крутя головой, глядя то на темный двор, то на склон, по которому поднимались тени – среди нападавших был один силуэт, мерцающий дымным гниlostным светом.

Что-то глухо стукнуло, раздался хруст... Агач разглядел крюк, вонзившийся в дерево. Тут же появились еще два – по веревкам, тянувшимся от них, карабкались фигуры. Эльхант остановился, широко расставив ноги, поднял меч над головой и с резким выдохом рубанул. Веревка, туго натянувшаяся под весом существ, первое из которых уже подобралось к вершине и ухватилось корявой лапой за край стены, лопнула. Агач наступил на вцепившиеся в дерево пальцы, повернулся на каблуке, ломая их – лапа выскользнула из-под подошвы, когда мракобестия, не издав ни звука, полетела вниз. Кэлгор поднялся и опустился дважды, и еще две веревки упали вместе с теми, кто полз по ним.

Пронзительный крик прозвучал далеко слева. Септанта присел, скользя взглядом вдоль стены. Не заметив других крюков, он побежал по широкой дуге в ту сторону, откуда доносились звуки драки. Несмотря на запрет фей, во дворе зажгли факелы. Красный свет заметался по стенам и земле, то выхватывая из темноты фигуры эльфов и мракобестий, то погружая их во мрак. Септанта бежал, выставив меч перед собой. Вновь раздался крик. В нескольких дюжинах шагов от агача сновали тени. Внизу один факел вдруг стал перемещаться с бешеной скоростью, движение его сопровождалось стуком копыт. Скопив глаза, Эльхант разглядел рыжую макушку Брана, казавшуюся темно-ржавой в свете факела, который кентавр сжимал высоко над головой. И тут же мерцающий дымным светом силуэт вновь возник снаружи, на склоне. Он поплыл к стене, постепенно увеличиваясь и приобретая более четкие очертания.

Короткий вскрик Ланы заставил Эльханта ускорить бег. Агач прыгнул, когда увидел эльфов, мракобестий и амазонку, полулежащую на вершине стены. Лана пыталась подняться, упираясь одной рукой в площадку, отбивая мечом удары

врага. Огромный зомби, источающий сладковатый дух мертвой плоти, с ввалившимся животом и поблескивающими сквозь дыру рта беззубыми деснами, замахнулся короткой дубинкой. Вылетевшая из темноты Поэми замолотила кулачками по его лицу. Фея не могла причинить вреда зомби, но тот промахнулся – дубинка ударила по дереву неподалеку от перекатившейся в сторону Ланы. Вскочив, амазонка вонзила в брюхо мракобестии меч, и тут же подбежавший Эльхант широким круговым ударом рассек тело мертвоживого от левого плеча до середины груди. Выпустив дубинку, зомби закачался, медленно поворачиваясь и выдирая кэлгор из рук агача. Эльхант дернул, высвобождая оружие, пнул ногой в бедро мертвоживого.

Лана увидела, как конечности монстра подогнулись; правая, по которой пришелся пинок, с хрустом сломалась в бедре, острый скол кости выступил, прорвав гниющее мясо – и зомби полетел вниз с вершины.

– Что с твоими сапогами? – выдохнула амазонка, с мечом на изготовку разворачиваясь к остальным эльфам. – Второй раз вижу, как...

Она не договорила: белое мерцание полилось на площадку со склона. Из тех эльфов, что вместе с амазонкой забрались на стену, трое были мертвы, но трое еще стояли на ногах. Все мракобестии лежали неподвижно, проткнутые или располосованные клинками защитников. Свет факелов, снующих по двору между зданиями Твердокамня, облизывал вершину багровыми языками – и теперь другой свет, мертвенный и стылый, полился снаружи. Лана, успевшая повидать многое на службе у отца, отпрянула, разглядев того, кто всплыл к стене.

В окутанной мерцающим саваном фигуре с трудом угадывались очертания тела; она чуть дрожала, контуры переливались, менялись, от них отпадали клочья светящегося тумана и скользили вниз, медленно растворяясь. На стене все замерли, увидев призрака, который поднял руки, извивающиеся, будто толстые змеи, и открыл рот – круглую дыру, ведущую куда-то внутрь состоящего из туманного света тела.

То, что зазвучало над Твердокамнем, напоминало вопль существа в рогатом шлеме. Но если крик черного просто сбивал с ног, то этот обрушивал на сознание волну ужаса – мощным потоком она ударила по стене и опрокинула эльфов. Двое покатались вниз, третий растянулся на животе, мотая головой и вопя. Амазонка упала на бок, выпустив меч, а Эльханта крик бросил на колени.

Вопль призрака был неслышен, но имел зримые очертания – словно бледно-коричневый полог накрыл стену, заструился мелкими волнами, проникая сквозь тела и сознания. Упираясь кончиком меча в площадку, агач приподнялся на дрожащих ногах. Вопль вливался в голову через ноздри, уши и рот, наполнял рассудок горячей дрожью.

Лана кричала, перекатываясь с боку на бок и зажав уши ладонями. Согнувшись, едва переставляя ноги, агач побрел к призраку, к вытянутому сгустку тумана, который висел рядом с вершиной стены. Рассудок Эльханта нагревался, вскипал; жар наполнял череп. Агач сжал зубы, сощурился, едва различая белесый силуэт и сжимая ослабевшими пальцами рукоять кэлгора. Рядом мотающий головой эльф перевернулся лицом вверх, выгнулся, стукнув затылком о дерево – и потом глаза его взорвались, выплеснулись двумя гейзерами розовой кашицы. Эльхант брел на полусогнутых ногах, делая неверные короткие шаги. Его рассудок превратился в раскаленный докрасна кусок металла, который кузнец-призрак, сжимая длинными щипцами, сунул в пылающий горн.

Сквозь беззвучный вой донесся топот копыт. Мракобестия была теперь прямо перед Эльхантом: смутно виднелись проступающие в световом вареве черты узкого лица, провалы глазниц и рта, седые патлы, состоящие из шевелящихся, словно змеи, жгутов света. Остановившись на краю площадки, Эльхант начал поднимать меч, который стал очень тяжелым, собираясь поразить призрака – но не зная, может ли железо причинить ему вред. Жар в голове стал уже невыносимым, и наконец рассудок не выдержал: на поверхности его вспухла раскаленно-красная полусфера, будто железо, сунутое кузнецом в горн, запузырилось.

Септанта поднял меч над головой, но пузырь лопнул, полыхнув нестерпимым жаром и обрызгав шипящими каплями черепные своды. Все вокруг исчезло: холм и Твердокамень, феи, эльфы, кентавры и мракобестии, лес, река, озеро Флэй, долины, горы и пастбища – весь мир деревьев вознесся ввысь, Эльхант провалился в пропасть без дна, и Высокое Дерево распростерло над ним свои ветви-миры. Крона Его была сферой небес, и ствол – сферой жизни, а корни, глубоко погрузившиеся в землю Вечной Пустоши, перемешанную с разложившейся плотью Мадреда, отца мира, корни Его были сферой тверди, страной мертвых. Вязкий смрад объял Эльханта, упавшего в царство праха – в узкую, полную черной смолы полость между корнями Древа, в гиблую щель, обиталище душ мертвых. Тьма сомкнулась... и лопнула, когда острый свет, будто измазанные в крови багровые лезвия, разодрал ее в клочья.

Свет этот лился от гудящего факела, а факел был поднят высоко над головой Брана, и сам кентавр, ревя во всю глотку, вылетел на вершину стены, резко остановился на краю, чуть не полетев вниз, встал на дыбы – и ткнул огнем в голову призрака.

Когда живой, горячий и трепещущий свет факела смешался с гнилостным мерцанием, оно вспыхнуло и тут же померкло, истлело, будто грязно-белый снег под прямыми солнечными лучами, растеклось серой пеной – от мракобестии вдоль стены потянулись белесые волокна, удлинняясь, они коснулись склона, покрыв его лопающимися пузырями. Огонь погрузился в голову призрака, и вопль оборвался. Еще миг контуры фигуры трепетали у вершины стены, а затем исчезли – вся та масса мертвого света, из которой состояло существо, осклизлыми липкими волокнами истекла вниз и впиталась в землю.

Эльхант встал. Голова закружилась – он качнулся, сделал неверный шаг к внешнему краю площадки и, возможно, полетел бы вниз, если бы амазонка не схватила его за плечи. Агач привалился к ней, прикрыв глаза, затем отстранился, быстро глянув на Лану. Ненадолго глаза их встретились, и на лицах обоих одновременно возникло странное выражение... Это длилось мгновение или два, а затем оба отвели взгляд.

– Они отступают! – рявкнул Бран, поигрывая факелом, с которого еще стекали, исчезая на глазах, тонкие струйки дымного света.

Эльхант, окончательно пришедший в себя, выпрямился на внутреннем краю площадки. Стало чуть светлее; сверху было видно, что ворота Твердокамня сломаны, заменяющий петлю гибкий ствол вырван – оплетенная виноградом створка повисла наискось, углом вдавившись в деревянную стену. Толпа мракобестий валила на склон холма... Впрочем, не слишком большая толпа, состоящая меньше чем из двух дюжин мертвоживых. Остатки эльфов и кентавров наседали на них сзади, но, когда последний зомби оказался за воротами, наружу выходить никто не стал, защитники остались под стеной. Многие поворачивали головы, выискивая взглядами командиров – Брана, Эльханта, Лану или Руана – ожидая приказа.

– Растоптать их всех! – Вождь поскакал вниз, и агач направился за ним, но услышал окрик амазонки и остановился, повернув голову.

– Нет, – сказала Лана. – Пусть бегут.

Кентавр, уже достигший земли, тоже остановился.

– Убить врагов! – прокричал он.

– Они отступают... – начал Эльхант.

– Мы получили приказ, – перебила Лана. – Приказ возвращаться навстречу войску. Мы уже не выполнили его – на ночь остались в Твердокамне. А теперь вы хотите еще и гнаться за мертвоживыми по темному лесу?

– Светает, – сказал Эльхант. Он отвернулся от амазонки, постоял, размышляя, и заспешил вниз. Бран поскакал к воротам, навстречу Руану, который, прихрамывая, медленно шел к ним.

– Стойте! – выкрикнула Лана в ярости. – Они наверняка пошли к своему кладбищу! Мы не должны... – она замолчала, увидев, что агач приостановился и опять повернул голову.

– Ты слишком веришь в своего отца, – бросил он и побежал дальше.

Возле ворот разгоряченные кентавры топтали кости мракобестий, вбивали их в землю. Когда подбежавший Эльхант выкрикнул приказ и Бран проорал что-то утвердительное, большинство четвероногих радостно заржали.

– Надо добить врагов, – повторил агач. – Идем!

Но эльфы молчали. Множество взглядов обратилось за его спину, Септанта обернулся – Лана и Руан шли к воротам, о чем-то переговариваясь.

– Агач, мы не станем преследовать мертвоживых, – произнес горт в серебристой кольчуге. – Они идут к кладбищу... и пусть идут.

Раздалось взволнованное ржание, из толпы вылетел юный жеребчик.

– Бран! – воскликнул он тонким голосом. – Неужели мы не догоним врагов? Мы...

– Что скажешь, остроухий? – спросил вождь.

Эльхант поглядел на амазонку – даже в рассветной полутьме было видно, как покраснело ее лицо. Лана насупилась, из-под сведенных бровей глядя на агача. Позади, между постройками Твердокамня, сновали феи, часть их летела к толпе у ворот. Эльфы и кентавры смотрели на Септанту. Он произнес, обращаясь в основном к Лане, но так, чтобы слышали все:

– Ведь вы ничего не знаете про мертвоживых. Откуда отряды появляются в лесу? Где их лагеря? Кто повелитель? Главное – для чего они везли с собой трупы? Надо разузнать как можно больше.

– Не иди! – из-за спин Руана и амазонки вылетела Поэми. – Эльхант, послушай, ведь мы не ведаем, что ждет на кладбище...

– Едем. – Септанта вложил меч в ножны, шагнул к юному жеребцу и схватился за его гриву.

* * *

Радостно заржав, жеребец опустил передние копыта на череп мертвоживого и раздробил его, вдавив осколки костей в мягкую землю.

– Пандос! – выкрикнул он, повернув голову и кося налитым кровью, пьяным от бешеной скачки глазом на Эльханта, одной рукой обхватившего его за торс, а другой сжимающего меч. – Меня зовут Пандос, эльф!

– Не останавливайся, – велел Септанта.

Они успели нагнать и уничтожить большую часть отряда мракобестий. Те почти не отбивались, лишь спешили по еще темному лесу с равнодушным упорством, приближаясь к чему-то, что ждало их впереди... Эльхант ощущал силу, которая приобрела вид белесых волокон, вроде полупрозрачных тонких червей. Они веером протянулись от того места, куда стремились мертвоживые, и конец каждого червя был приторочен к черепу ходячего скелета или голове зомби.

Волокна сжимались, тянули мракобестий вперед: тот, кто отправил их к Твердокамню, теперь спешил вернуть своих слуг.

Эльхант понимал, что кентавры ничего этого не чувствуют. Ну а сам агач, когда Пандос нагнал и растоптал мракобестию, даже не ощутил – увидел, как червь, протянувшийся от зомби, концом погруженный в его черепную кость, лопнул и пропал за деревьями, устремившись туда, где находился неведомый командир отряда, напавшего на крепость.

Другие кентавры скакали вокруг, и впереди всех неся Бран. То и дело среди деревьев раздавался хруст костей, ржание, яростные восклицания четвероногих: догнав очередного беглеца, они топтали его копытами или рубили мечами. Было еще темно, хотя над кронами небо из черного стало темно-серым. Когда агач смотрел широко раскрытыми глазами, то не видел ничего, кроме стволов, четвероногих силуэтов и фигур мракобестий. Но стоило смежить веки – не зажмуриться, а просто прикрыть глаза, оставляя для взгляда лишь узкую щелку, – как в лесной мгле проступали волокна, протянувшиеся от голов и черепов к одному месту впереди.

Раздался плеск. Яростно ржущий Бран исчез за широким стволом, и тут же мертвоживые начали останавливаться, поворачиваться, впервые с начала погони вступая в бой с преследователями. Септанта разглядел, как провисли белые черви – место, откуда они тянулись, было уже близко, за деревьями.

– Там вода! – выдохнул Пандос. – Речка разлилась по весне...

– Остановись. – Только агач успел сказать это, как юный кентавр вылетел на лесное кладбище.

Надгробия – конусы, сложенные из ничем не скрепленных камней – стояли на большой поляне, между редкими деревьями. Сейчас все это было залито водой. Поднимая брызги, кентавры один за другим вылетали на кладбище. Один упал, когда ржавый меч зомби подрубил его ноги, но тут же трое других налетели на мракобестию. Отступающие уже столпились на середине поляны, перед низкой оградой из кольев, оплетенных ветвями, за которой стояла глиняная постройка с треугольным входом.

– Святилище седобородых! – выдохнул Бран. – Кто-то в нем прячется.

– Пойдите, – сказал Септанта, соскакивая с Пандоса, но его не услышали: четвероногие устремились вперед.

Холодная темная вода достигала колен. Эльхант побежал, видя между кентавров, как столпившиеся мракобестии, словно получив неслышную команду, подняли оружие. И еще он видел, что из хижины позади ограды протянулось множество белых червей.

На каждом кладбище обитал друид, тот, что отправлял души умерших в последнее путешествие к корням Высокого Древа. Но теперь жилище занял кто-то другой, повелевавший отрядом мертвоживых.

Преследователи налетели на них, подняв брызги, и мелкие волны разошлись по всему озеру. Дюжина оставшихся скелетов и зомби не могла справиться с четвероногими. Ограда проломилась под упавшим на нее раненым кентавром; второй опрокинулся на бок, получив мечом в грудь, – но к тому времени, когда подбежал Септанта, ни одного врага не осталось, все исчезли в темной воде. И тут же черви выгнулись, взметнулись над оградой и разом исчезли. Из хижины донесся звук удара, от глиняных стен плеснулась синеватая мгла. Несколько кентавров закричали. Сбоку Эльхант увидел искаженное страхом лицо Брана – рыжий пятился, быстро перебирая ногами и мотая головой.

– Это хан! – прохрипел кто-то.

– Что с вами? – прокричал агач, бросаясь вперед. Он не понимал, что испугало четвероногих, хотя видел клубящиеся силуэты. Удар повторился – глухой, мощный, он и был источником мглы, волны которой катились во все стороны от постройки. Внутри ее кто-то словно бил тяжелым молотом по деревянной колоде или земляному полу. В такт ударам вода по всему озеру покрывалась рябью, а еще Эльхант ощутил, как под ногами вздрагивает земля. Он нырнул в проход, различил сквозь темно-синие клубы горящий огонь, увидел распятого на стене друида – ноги и руки старика были прибиты к глине короткими железными штырями – и силуэт того, кто стоял на середине помещения с тяжелой палицей в руках. Когда Эльхант оказался внутри, существо, сжимая оружие обеими руками, широко размахнулось и ударило по земле, накрытой плетеными циновками. Мгла плеснулась из-под палицы, смутные силуэты разлетелись во все стороны, проникли сквозь стены хижины наружу, откуда доносились вопли кентавров и плеск воды под их ногами... и потом земля лопнула. Новый хозяин

хижины друида сделал шаг назад и вдруг провалился: циновки разошлись, он исчез в темноте под полом. Эльхант, не успев остановиться, взмахнул руками; свет костра, озарявший глиняные стены, ярко вспыхнув, померк.

Глава 6

Жидкая грязь, хлюпая и булькая, стекла в невидимые прорехи. Эльхант сначала поднялся на четвереньки, затем выпрямился во весь рост. Среди изломанных ветвей, усеивающих круто наклоненный земляной пол, он увидел кэлгор и торопливо схватил его. Стоя на полусогнутых ногах, пригнувшись и сжимая меч перед собой, настороженно огляделся... Спереди и снизу сквозь лаз проникал тусклый синий свет, но никого живого – или мертвого – видно не было.

Грязь попала в сапоги. Ощущая на плечах тяжесть пропитавшегося влагой плаща, агач стянул ремень и перевернул ножны – черная жижа полилась из них.

Он попал в треугольную полость с низким сводом... как если бы в землю наискось вонзили наконечник гигантского копья, а затем выдернули его. Узкая часть была далеко под ногами Эльханта, широкая – сзади, над головой. Там над лесным кладбищем серебрились звезды.

Ручьи грязной воды все еще текли, но основной поток, устремившийся в расселину после того, как земля провалилась, уже схлынул.

– Бран! – негромко позвал агач и пошел вверх, но смог сделать лишь несколько шагов – ноги заскользили. Сунув меч в ножны, глубоко вздохнул и побежал, меся грязь подошвами сапог. На середине расстояния до верхнего края расселины, до того места, где в звездном свете смутно виднелись обломки хижины и покосившаяся, почти сломанная ограда, ноги вновь соскользнули. Здесь наклон становился круче. Эльханта и кладбище разделяло всего полторы дюжины локтей, но преодолеть их оказалось невозможно. Не удержав равновесия, он упал на колени, а после свалился на бок и вместе с пластом жидкой грязи съехал почти к самому лазу.

– Бран! Эй, рыжий!

Ни звука не раздавалось на поверхности, хотя снизу доносилось потрескивание и что-то еще, совсем тихое, – не то бормотанье, не то плач. Кладбище было неподалеку, но внедосягаемости. Эльхант выпрямился, стоя спиной к проходу и глядя вверх, на темный силуэт ограды. Кентавры ускакали; магия того, кто захватил хижину друида, вызвала у них непреодолимый страх. Агач помнил испуганное ржание, не просто испуганное – четвероногие были объаты ужасом... а ведь это не кто-нибудь – кентавры! Что могло так устроить их?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/novak_il-ya/bitva-derev-ev

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)